Джон
СТЕЙНБЕК

КВАРТАЛ ТОРТИЛЬЯ-ФЛЭТ
О МЫШАХ И ЛЮДЯХ
КОНСЕРВНЫЙ РЯД
ЖЕМЧУЖИНА
ЗАБЛУДИВШИЙСЯ АВТОБУС
ЗИМА ТРЕВОГИ НАШЕЙ

ЗОЛОТОЙ ФОНД МИРОВОЙ КЛАССИКИ

Жемчужина
Джон Стейнбек

Аннотация
Джон Стейнбек. Жемчужина
I
II
III
IV
V
VI

Аннотация

«В городе рассказывают об одной огромной жемчужине – о том, как ее нашли и как ее снова лишились. Рассказывают о ловце жемчуга Кино, и его жене Хуане, и о ребенке их Койотито. Историю эту передавали из уст в уста так часто, что она укоренилась в сознании людей. И как во всех историях, рассказанных и пересказанных множество раз и запавших в человеческое сердце, в ней есть только хорошее и дурное, только добро и зло, только черное и белое и никаких полутонов. Если это притча, может быть, каждый поймет ее по-своему и каждый увидит в ней свою собственную жизнь. Как бы то ни было, в городе рассказывают, что…»

Джон Стейнбек
Жемчужина

«В городе рассказывают об одной огромной жемчужине – о том, как ее нашли и как ее снова лишились. Рассказывают о ловце жемчуга Кино, и его жене Хуане, и о ребенке их Койотито. Историю эту передавали из уст в уста так часто, что она укоренилась в сознании людей. И как во всех историях, рассказанных и пересказанных множество раз и запавших в человеческое сердце, в ней есть только хорошее и дурное, только добро и зло, только черное и белое и никаких полутонов. Если это притча, может быть, каждый поймет ее по-своему и каждый увидит в ней свою собственную жизнь. Как бы то ни было, в городе рассказывают, что…»

I

Кино проснулся в предутренней темноте. Звезды все еще сияли, и день просвечивал белизной только у самого горизонта в восточной части неба. Петухи уже перекликались друг с дружкой, и свиньи, спозаранку начавшие свои нескончаемые поиски, рылись среди хвороста и щепок в надежде, что где-нибудь отыщется не замеченное ими раньше съестное. За стенами тростниковой хижины, в зарослях опунций, чирикала и трепыхала крылышками стайка маленьких птиц.

Кино открыл глаза и посмотрел сначала на светлеющий квадрат — это был вход в хижину, потом на подвешенный к потолку ящик, где спал Койотито. И наконец, он повернул голову к Хуане — к своей жене, которая лежала на циновке рядом с ним, прикрыв синей шалью ноздри, грудь и спину. Глаза у Хуаны тоже были открыты. Кино не помнил, чтобы, проснувшись, он когда-нибудь не встретил взгляда Хуаны. Ее темные глаза поблескивали маленькими звездочками. Она смотрела на него, и так бывало всегда, когда он просыпался.

Кино услышал легкий всплеск утренней волны на берегу. Слушать это было приятно — Кино опять закрыл глаза, чтобы вникнуть в звучащую в нем музыку. Может быть, так делал только он один, а может быть, так делали все люди его народа. В давние времена люди его народа были великими слагателями песен, и, что бы они ни делали, что бы они ни слышали, о чем бы они ни думали — все претворялось в песнь. Это было очень давно. Песни остались и по сию пору; Кино знал их все, а новых песен не прибавлялось. Это не значит, что у каждого человека не было своей собственной песни. Вот и сейчас в голове у Кино звучала песнь, ясная, тихая, и если бы Кино мог рассказать о ней, он назвал бы ее Песнью семьи.

Ноздри у Кино были прикрыты краем одеяла, чтобы не дышать сырым воздухом. Его глаза блеснули в сторону — на легкий шорох. Это почти бесшумно вставала Хуана. Ступая крепкими босыми ногами по земляному полу, она подошла к ящику, где спал Койотито, и наклонилась над ним и сказала ему какое-то ласковое словечко. Койотито посмотрел на нее, закрыл глаза и снова уснул.

Хуана подошла к ямке для костра, откопала уголек и стала раздувать его, ломая и подкладывая в

ямку сухие ветки.

Кино тоже встал, накинул одеяло на голову, на плечи и прикрыл им ноздри. Он сунул ноги в сандалии и вышел смотреть восход солнца.

За дверью он присел на корточки и подобрал одеяло к коленям. Он увидел, как высоко в небе над Заливом яркими пятнами вспыхнули маленькие облачка. К нему подошла коза, она повела носом и уставилась на него холодными желтыми глазами. Тем временем за спиной у Кино Хуана разожгла костер, и яркие блики стрелами протянулись сквозь щели в стене тростниковой хижины, легли зыбким квадратом через порог. Запоздалая ночная бабочка порхнула внутрь, на огонь. Песнь семьи зазвучала позади Кино. И ритм семейной песни бился в жернове, которым Хуана молола кукурузу на утренние лепешки.

Рассвет занимался теперь быстро: белесая мгла, румянец в небе, разлив света и вспышка пламени — сразу, лишь только солнце вынырнуло из Залива. Кино посмотрел вниз, пряча глаза от сияющего блеска. Он услышал позади похлопывание ладоней по лепешкам, сочный запах раскаленной сковороды. На земле копошились муравьи — большие, черные, с глянцевитым тельцем, и маленькие, пыльносерые, шустрые.

С величавостью господа бога смотрел Кино, как один пыльно-серый муравей отчаянно выкарабкивался из ловушки, которую вырыл ему в песке муравьиный лев. Поджарая пугливая собака подкралась к Кино и, услышав его ласковый оклик, свернулась калачиком рядом с ним, аккуратно обвила хвостом лапы и грациозным движением положила на них голову. Собака была черная, с золотисто-желтыми подпалинами на том месте, где надлежит расти бровям. Утро выдалось как утро, самое обычное, и все же ни одно другое не могло сравниться с ним.

Кино услышал поскрипывание веревки — это Хуана вынула Койотито из подвешенного к потолку ящика. Она умыла его и пристроила в провес шали так, чтобы он был у самой ее груди. Кино видел все это не глядя. Хуана тихо запела древнюю песнь, которая состояла всего из трех нот, с бесконечной сменой интервалов между ними. И эта песнь была частью Песни семьи. Каждая мелочь вливалась в Песнь семьи. И иной раз она взлетала до такой щемящей ноты, что к горлу подступал комок, и ты знал: вот оно — твое спокойствие, вот оно — твое тепло, вот оно — твое Все.

За тростниковой изгородью стояли другие

тростниковые хижины, и оттуда тоже тянуло дымком, оттуда тоже доносились утренние звуки, но те песни были другие, и свиньи там были другие, и среди жен там не было Хуаны. Кино был молодой, сильный, и черные волосы спадали ему на бронзовый лоб. Глаза у него были теплые, ясные, взгляд их пронзительный, усы — редкие и жесткие. Он отнял край одеяла от ноздрей, потому что темный, ядовитый воздух теперь растаял и на хижину падал желтый солнечный свет. Два петуха, растопырив крылья, распушив перья на шее, припадали друг перед другом к земле у тростниковой изгороди и пугали друг друга обманными наскоками. Где им, неумелым, драться. Они не бойцовые. Минуту Кино смотрел на них, а потом перевел взгляд вверх — туда, где от Залива к холмам мерцала в небе стайка диких голубей. Мир проснулся, и Кино встал и вошел в тростниковую хижину.

Когда он появился на пороге, Хуана поднялась от пылающего в ямке костра. Она снова положила Койотито в ящик, подвешенный к потолку, расчесала свои черные волосы, заплела их в две косы и связала концы узкой зеленой ленточкой. Кино присел на корточки у костра, свернул трубкой горячую лепешку, обмакнул ее в подливку и

съел. И еще он выпил немного пульки, и это был весь его завтрак. Других завтраков ему есть не приходилось, если не считать праздников да еще одного памятного дня, когда он съел такое невероятное количество печенья, что чуть не умер. Кино наелся, и тогда Хуана вернулась к костру и тоже позавтракала. Они обменялись между собой двумя тремя словами, но стоит ли тратить слова, особенно если говоришь не по необходимости, а по привычке. Кино удовлетворенно вздохнул, и это было их беседой.

Солнце нагревало тростниковую хижину, длинными полосами проникая сквозь щели в стенах. И одна такая полоска упала на ящик, где лежал Койотито, и на веревки, тянувшиеся к потолку.

Движение, еле заметное, привлекло к ящику взгляд Кино и Хуаны. Они застыли, каждый на своем месте. Вниз по веревке, на которой ящик Койотито был подвешен к потолочной перекладине, легко и словно пританцовывая, полз скорпион. Хвост с жалом был у него вытянут, но он мог в любую минуту ударить им.

Дыхание со свистом вырвалось из ноздрей у Кино, и он открыл рот, чтобы этого не было слышно. И тут испуг исчез из его глаз, оцепенелость прошла. В голове у него зазвенела новая Песнь

— Песнь зла, музыка недруга, несущего горе семье, дикий, грозный, приглушенный напев, а сквозь него жалобным плачем пробивалась Песнь семьи.

Скорпион легко полз вниз по веревке к ящику. Хуана чуть слышно, сквозь сжатые зубы, прошептала древнее заклинание и еще «Богородицу». Но Кино не мог больше оставаться в неподвижности. Его тело бесшумно скользнуло по хижине — скользнуло бесшумно и плавно. Он шел, вытянув перед собой руки ладонями вниз, и не сводил со скорпиона глаз. А Койотито, лежавший в ящике, смеялся и протягивал к скорпиону ручонку. Скорпион почуял опасность, когда Кино был совсем близко. Он замер, и его хвост короткими рывками поднялся над спиной, и на хвосте полукругом блеснуло жало.

Кино стоял не дыша. Он слышал, как Хуана снова прошептала древнее заклинание, и он слышал злой вражеский напев. Он не смел двинуться, он ждал, когда скорпион двинется первым, а тот насторожился, стараясь разведать, откуда ему грозит смерть. Рука отца тянулась вперед, тянулась медленно, ровно. Хвост с жалом дернулся кверху. И в эту минуту смеющийся Койотито качнул веревку, и скорпион сорвался с нее.

Рука отца метнулась поймать, схватить, но скорпион пролетел мимо, упал ребенку на плечо и, едва коснувшись его, вонзил жало. И тут Кино поймал скорпиона и, хрипло вскрикнув, раздавил, расплющил его пальцами. Он швырнул это месиво себе под ноги и ударил по нему кулаком, а Койотито зашелся криком от боли. Но Кино бил, топтал врага до тех пор, пока на земляном полу не остался только мокрый след. Зубы у Кино были оскалены, глаза бешено горели, а в ушах гремела Песнь врага.

Но ребенок был уже на руках у Хуаны. Она нашла место укуса, начинавшее краснеть. Она прижалась к ранке губами, сплюнула и снова стала сосать, а Койотито все кричал и кричал.

Кино стоял рядом; он не знал, что делать, он только мешал Хуане.

На крик ребенка сбежались соседи. Они высыпали из своих хижин. Брат Кино Хуан Томас и его толстая жена Аполония и четверо их детей столпились в дверях, загородив вход, из-за них выглядывали другие, а один маленький мальчик пробрался между ногами взрослых, чтобы как следует все увидеть. И те, кто стоял впереди, передавали тем, кто стоял сзади: «Скорпион. Ребенка укусил скорпион».

Хуана оторвала губы от места укуса. Ранка чуть увеличилась и, обескровленная после высасывания, побелела по краям, но красный отек распространился дальше, вздувшись твердым лимфатическим бугорком. Эти люди знали, что такое скорпион. Взрослые тяжело болеют от его укуса, а ребенку недолго и умереть. Они знали, что сначала будет отек, и жар, и спазмы в горле, потом начнутся желудочные колики, а потом, если яд успел глубоко проникнуть в ранку, Койотито умрет. Но жгучая боль от укуса постепенно стихала. Крики Койотито переходили в стоны.

Кино часто дивился железной воле своей терпеливой хрупкой жены. Она, такая покорная, почтительная, веселая, почти без единого крика выгибала спину дугой, рожая ребенка. Усталость и голод она сносила чуть ли не легче его самого. На веслах могла поспорить со взрослым мужчиной. И вот сейчас она решилась на такое, чего он никогда не ждал от нее.

— Доктора,– сказала она.– Пойди приведи доктора.

Это слово дошло до соседей, теснившихся на маленьком дворике за тростниковой изгородью. И они повторяли: «Хуана велит позвать доктора». Удивительная вещь, небывалая вещь — вдруг по-

требовать доктора. А если его приведут, это будет и вовсе чудо. Доктор никогда не ходит в поселок, где стоят тростниковые хижины. Да и зачем ему .ходить сюда, если он пользует богачей, которые живут в каменных и кирпичных городских домах, и еле справляется с этим.

— Он не пойдет,– сказали те, кто стоял во дворе.

— Он не пойдет,– сказали те, кто стоял в дверях, и Кино сам так подумал.

— Доктор не пойдет к нам,– сказал Кино Хуане.

Она перевела на него взгляд, холодный, как взгляд львицы. Койотито был ее первенец — Койотито был для нее почти всем в мире. И Кино почувствовал решимость Хуаны, и музыка семьи стальным тембром зазвучала у него в ушах.

— Тогда мы пойдем к нему сами,– Сказала Хуана, и она оправила свою темно-синюю шаль на голове, один конец ее перебросила на руку, положила в провес стонущего ребенка, а другим концом прикрыла ему лоб, чтобы свет не резал глаза. Люди, толпившиеся в дверях, подались назад, толкая тех, кто стоял сзади, и пропустили ее. Кино последовал за ней. Они вышли из калитки на изрезанную колеями дорогу, и соседи потянулись за ними.

Весь поселок принял участие в их беде. Бесшумно ступая босыми ногами, люди быстро двигались к центру города — впереди Хуана и Кино, за ними по пятам Хуан Томас и Аполония, колыхавшая на ходу своим огромным животом, потом — соседи, а ребятишки бежали рысцой справа и слева. Желтое солнце отбрасывало вперед на дорогу их черные тени, так что они ступали по своим теням.

Процессия подошла к тому месту, где тростниковые хижины кончились и начинался город с кирпичными и каменными домами, город, где на каждом шагу были глухие ограды, голые снаружи, а изнутри, в прохладных садиках с журчащей водой, сплошь увитые белыми, розовыми и яркокрасными цветами бугенвиллеи. Из этих скрытых от глаз садиков доносилось пение птиц, запертых в клетки, и плеск прохладной воды, струившейся на раскаленные плиты. Процессия пересекла залитую слепящим солнцем площадь и миновала церковь. Толпа росла и росла, и тем, кто второпях примыкал к ней, рассказывали шепотом, что ребенка укусил скорпион, что отец и мать несут его к доктору.

И новые участники процессии, особенно нищие с церковной паперти — великие знатоки

финансовых вопросов, быстро оглядывали старенькую синюю юбку Хуаны, примечали прорехи на се шали, оценивали зеленую ленточку в косах, безошибочно определяли, сколько лет служит Кино его одеяло, сколько тысяч раз была стирана его одежда, и, убедившись, что они бедняки, шли вместе со всеми посмотреть, какой оборот примет эта драма. Четверо нищих с церковной паперти знали все, что делалось в городе. Лица молодых женщин, спешивших к исповеди, были для них открытой книгой, и когда женщины выходили из церкви, нищие сразу угадывали их грехи. Им были известны все мелкие городские сплетни и многие крупные преступления. Они спали в тени на паперти, не покидая своего поста, и видели каждого, кто даже украдкой шел в церковь искать утешения в своих скорбях. Доктора они тоже знали. Ничто не оставалось для них тайной — ни его невежество, жестокость, алчность, ни его ненасытность, ни его грехи. Они знали наперечет все неудачные аборты, которые он делал, знали, что милостыню он дает скупо — медяками. Они видели, как вносили в церковь тех, кого он отправлял на тот свет. И, поскольку ранняя обедня кончилась и в делах было затишье, нищие-эти неустанные добытчики точных

сведений о ближних — примкнули к процессии, любопытствуя, как разжиревший, облениившийся доктор поступит с ребенком бедняков, которого укусил скорпион.

Процессия подошла к широкой калитке в ограде докторского дома. Оттуда доносилось журчание воды и пение птиц, запертых в клетки, и шарканье длинных метел по плитняку. Из докторского дома доносился и вкусный запах поджаренной грудинки.

Кино в нерешительности стал перед калиткой. Этот доктор не был сыном его народа. Этот доктор принадлежал к той расе, которая почти четыре века избивала, и морила голодом, и грабила, и презирала соплеменников Кино, и так запугала их, что бедняки униженно подходили к этой двери. И как бывало всегда, когда Кино случалось сталкиваться с людьми этой расы, он вдруг почувствовал себя слабым и вдруг испугался чего-то и в то же время озлобился. Гнев и страх всегда шли рука об руку. Кино легче было бы убить этого доктора, чем заговорить с ним, ибо соплеменники доктора обращались с соплеменниками Кино, как с бессловесной скотиной. И когда Кино поднял правую руку к железному кольцу на калитке, гнев вспыхнул в нем, в ушах загремела музыка

врага и губы его плотно сжались, но левая рука сама собой потянулась к шляпе. Железное кольцо громыхнуло о калитку. Кино снял шляпу и стал ждать. Койотито негромко застонал на руках у Хуаны, и она ласково прошептала ему что-то. Толпа сгрудилась вокруг них, чтобы ничего не проглядеть, ничего не упустить.

Через минуту-другую широкая калитка чуть приотворилась. Кино увидел в эту щель зеленую прохладу садика и маленький плещущий фонтан. Человек, который выглянул оттуда, был его соплеменник. Кино заговорил с ним на древнем языке их племени.

— Малыша… нашего первенца… укусил скорпион, сказал Кино.– Ему нужен искусный лекарь.

Щель уменьшилась; слуга не пожелал говорить на древнем языке.

— Минутку,– сказал он.– Пойду узнаю,– и, притворив калитку, запер ее изнутри на засов.

Слепящее солнце разбросало черные людские тени по белой каменной ограде.

Доктор сидел на постели у себя в комнате. На нем был красный муаровый халат, привезенный когда-то из Парижа и узковатый теперь в груди, если застегнуться на все пуговицы. На коленях у доктора стоял серебряный поднос с серебряной

шоколадницей и чашечкой тончайшего фарфора, казавшейся до смешного маленькой, когда он брал ее своей огромной ручищей и подносил ко рту, держа большим и указательным пальцами, а остальные три растопырив, чтобы не мешали. Глаза его тонули в отечных мешках, углы рта были брюзгливо опущены. С годами доктор стал тучным и говорил хриплым голосом, потому что горло у него заплыло жиром. На столике рядом с кроватью торчали в стаканчике сигареты и лежал маленький восточный гонг. Мебель в комнате была громоздкая, темная, мрачная; картины — все религиозного содержания, а фотография только одна, да и то покойницы жены, вкушающей теперь райское блаженство, если этого можно было добиться мессами, которые оплачивались по ее завещанию. В свое время доктор, хоть и ненадолго, приобщился к большому миру, и всю его последующую жизнь заполнили воспоминания и тоска по Франции. Тогда, говорил он, я жил, как цивилизованный человек, подразумевая под этим, что его скромные средства позволяли ему содержать любовницу и питаться в ресторанах. Он налил себе вторую чашку шоколада и раскрошил пальцами песочное печенье. Слуга подошел к открытой двери и остановился

там, дожидаясь, когда его заметят.

— Ну? -спросил доктор.

— Какой-то индеец с ребенком. Ребенка укусил скорпион,

Доктор осторожно опустил чашку на поднос, прежде чем дать волю гневу.

— Только мне и дела, что лечить каких-то индейцев от укусов насекомых. Я врач, а не ветеринар.

— Да, хозяин,– сказал слуга.

— Деньги у него есть?– осведомился доктор.– Да нет! Они все безденежные. Я один во всем мире почему-то должен работать даром. Мне это надоело. Пойди узнай, есть у него деньги?

Вернувшись, слуга чуть приотворил калитку и посмотрел в щель на ожидающую ответа толпу. И на этот раз он заговорил на древнем языке:

— У тебя есть чем заплатить за лечение?

Кино сунул руку в потайной карман где-то под одеялом. Он вынул оттуда бумажку, сложенную вчетверо. Он стал бережно разворачивать ее по сгибам-один, другой, третий… и наконец там показались восемь мелких, плоских жемчужин. Они были уродливые, серые, точно маленькие язвы, и не имели почти никакой цены. Слуга взял их вместе с бумажкой и снова затворил калитку,

но на этот раз ждать его пришлось недолго. Он отворил калитку ровно настолько, чтобы бумажка пролезла в щель.

— Доктор ушел,– сказал он.– Его позвали к тяжелобольному.– И быстро захлопнул калитку, потому что ему было стыдно.

И стыд волной прокатился по толпе. Она стала таять. Нищие вернулись на ступеньки паперти, слоняющиеся бездельники отправились слоняться дальше, а соседи разошлись, чтобы Кино, которого так опозорили у всех на глазах, нс было стыдно перед ними.

Кино долго стоял у ограды докторского дома, и рядом с ним стояла Хуана. Медленно надел он свою просительно снятую шляпу. И вдруг наотмашь ударил кулаком по калитке. И удивленно посмотрел на рассеченные суставы и на кровь, струившуюся у него между пальцами.

II

Город теснился у широкого речного устья, подступая своими старыми желтыми домами к самому берегу Залива. А на берегу лежали вытащенные из воды найаритские лодки — белые и голубые лодки, служившие уже не одному поколению, потому что их смолили особым водонепроницаемым составом, секрет изготовления которого принадлежал ловцам жемчуга. Лодки были высокобортные, стройные, с закругленным носом, закругленной кормой и мидель-шпангоутом, где крепилась мачта с маленьким треугольным парусом.

Желтый песок подходил почти к самой воде, и там его сменяли водоросли и измельченная прибоем ракушка. В песке сновали, копошились крабы, а на отмелях среди битой ракушки то выскакивали, то снова прятались по своим крохотным норкам маленькие омары. Морское дно кишело всем ползающим, плавающим, тянущим ростки кверху. Тихая волна колыхала бурые водоросли, покачивала длинные листья зеленой зостеры, за которые цеплялись морские коньки.

Ядовитые рыбы — пятнистые ботете — лежали на мягком слое зостеры, а над ними шныряли взад и вперед разноцветные крабы.

Голодные городские собаки и свиньи неустанно рыскали по берегу в надежде на то, что наступающий прилив выбросит на отмель дохлую рыбу или морскую птицу.

Утро было еще совсем молодое, но мглистый мираж уже возникал вдали. Дрожащий воздух, который одно увеличивает, а другое стирает совсем, стлался над Заливом, и в этой дрожащей зыби все казалось призрачным, обманывающим зрение; все в ней — и море и земля — обретало и четкую ясность, и смутность сновидения. Может быть, поэтому люди, живущие у Залива, полагаются больше на то, что им подсказывает внутренний голос, на то, что им подсказывает воображение, и не доверяют глазам — глаза обманывают, они сокращают даль и видят резкие контуры там, где их нет. В мангровой роще за городом с одного края стволы деревьев обрисовывались четко, как в линзе телескопа, а с другого — расплывались черно-зеленым пятном. Дальний берег Залива таял в зыбком тумане, похожем на воду. Во всем, что охватывал глаз, не было ни малейшей достоверности, нельзя было, поло-

жившись на зрение, знать, действительно ли ты видишь что-нибудь или перед тобой пустота. И люди, жившие у Залива, считали, что так бывает повсюду, и это не казалось им странным. Над водой нависла медно-мглистая дымка, и знойное солнце пронизывало ее и заставляло мерцать слепящими отсветами.

Тростниковые хижины ловцов жемчуга стояли в глубине отмели, справа от города, и лодки были вытащены на берег неподалеку от них.

Кино и Хуана медленно спустились к берегу и подошли к своей лодке — единственной ценности, которую Кино имел в этом мире. Лодка была очень старая, дед Кино привел ее из Найарита, а после него она досталась отцу Кино а от отца перешла к Кино. Эта лодка была одновременно и его достоянием, и его кормилицей, ибо мужчина, имеющий лодку, может обещать женщине, что у нее будет хоть какая-то еда. Лодка — это спасение от голода. Каждый год Кино заново покрывал ее водонепроницаемым составом, способ изготовления которого тоже достался ему от отца. И сейчас он подошел к ней и, как всегда, нежно коснулся рукой ее носа. Он положил водолазный камень, корзинку и веревки на песок. Потом свернул вдвое одеяло и бросил его на нос лодки.

Хуана опустила Койотито на одеяло и прикрыла шалью, чтобы уберечь от палящего солнца. Койотито молчал, не плакал, но отек поднимался у него с плеча на шею и за ухо, лицо было опухшее, щеки горели. Хуана сошла в воду. Она собрала со дна бурых водорослей, сделала из них плоскую лепешку и приложила ее к отечному плечу мальчика, и это средство было ничем не хуже, а то и лучше тех, которые мог посоветовать доктор. Средству этому не хватало только одного — докторского авторитета, потому что оно было совсем бесхитростное и ничего не стоило. Желудочные колики не появились у Койотито. Вероятно, Хуана успела вовремя высосать яд из ранки, но высосать вместе с ядом собственную тревогу за их первенца ей не удалось. В ее молитвах не было прямой просьбы о выздоровлении ребенка — она молила о том, чтобы Кино нашел жемчужину, которой они могли бы расплатиться с доктором за лечение Койотито, ибо ход мыслей у людей, живущих около Залива, так же зыбок, как мираж, что встает над ним.

Кино и Хуана протащили лодку по песку к Заливу, и, когда она всплыла, Хуана села в нее, а Кино пошел рядом, подталкивая корму до тех пор, пока лодка не скользнула по воде всем кор-

пусом, чуть подрагивая на прибрежной волне. Тогда они дружно опустили двусторонние весла, и лодка с шипением рванулась вперед, покрывая морщинками морскую гладь. Другие ловцы жемчуга уже давно вышли в море. Через несколько минут Кино увидел их сквозь дымку, стоявшую над тем местом, где была жемчужная банка.

Солнечный свет проникал сквозь воду до самой банки, и там, на каменистом дне, усеянном разломанными открытыми раковинами, лежали фестончатые жемчужницы. Это была та самая банка, которая в прошлые века вознесла короля Испании на первое место в Европе, банка, которая давала ему деньги на ведение войн и одела богатыми ризами не одну церковь за упокой его души. Серые жемчужницы с похожими на юбку фестончиками по краям, облепленные рачками и маленькими крабами, оплетенные нитями водорослей жемчужницы. Случайности подстерегают жемчужницу ежеминутно — крохотная песчинка может попасть в складки мантии и вызвать там раздражение, и тогда мякоть, защищаясь от песчинки, будет обволакивать ее ровным слоем перламутрового вещества. И, раз начав, мякоть не перестанет обволакивать инородное тело до тех пор, пока его не выбросит оттуда волной или

пока не погибнет сама жемчужница. Из века в век люди ныряли под воду и собирали жемчужницы с банок и вскрывали их створки в поисках песчинок, одетых слоем перламутрового вещества. Рыбы косяками держались поблизости от этих мест, поблизости от раковин, брошенных ловцами жемчуга, и выедали мякоть, заключенную под блестящей гладью их створок. Но зарождение жемчуга — дело случая, такая находка — редкое счастье, легкое похлопывание по плечу, которым удостаивает человека бог, или боги, или все они вместе.

У Кино было две веревки: одна — привязанная к камню, другая — к корзинке. Он сиял с себя рубашку и брюки и положил шляпу на дно лодки. Вода была гладкая, словно подернутая маслом. В одну руку он взял камень, в другую — корзинку и скользнул через борт ногами вперед, и камень увлек его на дно. Пузырьки воздуха вскипели над ним и рассеялись, и толща воды прояснилась. Наверху, сквозь ее волнистую зеркальную чистоту, он увидел днища лодок, скользивших по ней.

Кино двигался осторожно, чтобы не замутить воду илом и песком. Он продел правую ступню под веревку, которой был обвязан камень, и его руки заработали быстро, срывая жемчужницы

с их ложа то по одной, то сразу по нескольку штук. Он клал их в корзинку. В некоторых местах раковины сидели так тесно одна к другой, что отставали сразу целыми сростками.

Народ Кино пел обо всем, что с ним случалось, обо всем, что существовало в мире. Он сложил песни рыбам, разгневанному морю и тихому морю, свету и тьме, луне и солнцу, и песни эти таились в глубине сознания Кино и его народа все до единой, даже забытые. И сейчас, когда Кино наполнял свою корзинку раковинами, в нем зазвучала песнь, и ритмом этой песни было его гулко стучащее сердце, которому подавало кислород дыхание, задержанное в груди, а мелодией песни были стайки рыб — они то соберутся облачком, то снова исчезнут,– и серо-зеленая вода, и кишащая в ней мелкая живность. Но в глубине этой песни, в самой ее сердцевине, подголоском звучала другая, еле слышная и все же неугасимая, тайная, нежная, настойчивая и временами прячущаяся за основной голос. Это была Песнь в честь Жемчужины, в честь Той, что вдруг найдется, ибо жемчужину могла подарить любая раковина, брошенная в корзинку. Удача и неудача-дело случая, и удача-это когда боги на твоей стороне. И Кино знал, что в лодке, там,

наверху, его жена Хуана творит чудо молитвы, и лицо у нее застывшее, мускулы напряжены — она готова взять удачу силой, вырвать ее из рук у богов, ибо удача нужна ей, чтобы отек на плече у Койотито опал и не распространялся дальше. И так как нужда в удаче была велика и жажда удачи была велика, тоненькая тайная мелодия жемчужины — Той, что вдруг найдется,– звучала громче в это утро. Она ясно и нежно, целыми фразами вплеталась в Песнь подводного мира.

Гордость, молодость и сила позволяли Кино без всякого напряжения оставаться под водой больше двух минут, и он работал не спеша, выбирая самые крупные раковины. Потревоженные моллюски лежали с плотно сомкнутыми створками. Чуть правее от Кино громоздились камни, сплошь покрытые жемчужницами, но молодыми, еще негодными. Кино поплыл к камням, и там, под небольшим выступом, он увидел очень большую раковину, которая лежала одна, без своих сородичей. Створки у этой древней жемчужницы были приоткрыты, потому что ее охранял каменный выступ. И между похожими на губы кожными складками что-то блеснуло призрачным блеском — блеснуло и тут же исчезло, потому что створки раковины захлопнулись. Сердце у Кино забилось

тугими толчками, и в ушах у него пронзительно запела мелодия Той, что вдруг найдется. Медленным движением он оторвал раковину от ее ложа и крепко прижал к груди. Он высвободил ногу из веревки, опоясывающей камень, и его тело поднялось на поверхность, черные волосы сверкнули на солнце. Он протянул руку через борт и положил раковину на дно лодки.

Хуана откинулась к правому борту, выравнивая лодку, пока он влезал в нее. Глаза у него горели, но, подчиняясь требованиям приличий, он вытянул из воды сначала камень, потом корзинку с раковинами. Хуана почувствовала его волнение и отвела взгляд в сторону. Не годится слишком сильно желать чего-нибудь. Иной раз это гонит удачу прочь. Желай, но не очень настойчиво, и будь деликатен по отношению к богу или богам. Хуана перестала дышать. Не спеша Кино открыл свой короткий острый нож. Он в раздумье посмотрел на корзинку. Может быть, лучше вскрыть ту раковину последней? Он вынул из корзинки маленькую жемчужницу, перерезал ей замыкательный мускул, ощупал пальцем складки мантии и бросил жемчужницу за борт. И тут он словно впервые увидел большую раковину. Он опустился на корточки, взял ее в

руки и осмотрел со всех сторон. Бороздки раковины поблескивали на свету, переходя из черного цвета в коричневый, и на ней сидели только два-три маленьких рачка. Кино не решался открыть се. То, что он видел, могло быть просто отсветом, случайно приставшим перламутровым осколком, а то и чистой игрой воображения. В этом Заливе с его неверным светом иллюзий больше, чем реальностей.

Но взгляд Хуаны не отрывался от Кино. Хуана не могла больше ждать. Она коснулась ладонью головы Койотито, прикрытой шалью.

— Открой,– чуть слышно проговорила она.

Кино ловким движением всунул нож между створок раковины. Он почувствовал, как напрягся у моллюска мускул. Он повел черенок ножа книзу, действуя им, как рычагом; замыкательный мускул, стягивающий обе створки, лопнул, и верхняя створка отскочила прочь. Похожий на губы моллюск съежился и тут же обмяк. Кино приподнял кожную складку, и там лежала она — огромная жемчужина, не уступающая в совершенстве самой луне. Она вбирала в себя свет и словно очищала его и отдавала обратно серебристым излучением. Она была большая — с яйцо морской чайки. Она была самая большая в мире.

У Хуаны перехватило дыхание, и она чуть застонала. А в ушах у Кино звенела тайная музыка Той, что вдруг найдется, звенела чистая, прекрасная, теплая и сладостная, сияющая и полная торжества. И в глубине огромной жемчужины проступали его мечты, его сновидения. Он отделил ее от умирающего моллюска, и положил на ладонь, и покатал на ладони, и увидел, что она совершенна по форме. Хуана подвинулась к нему, не сводя глаз с жемчужины, лежащей в его руке. Это была та самая рука, которую он разбил о калитку в ограде докторского дома, и рассеченная кожа на се суставах посерела от соленой морской воды.

И Хуана бессознательно потянулась к Койотито, спавшему на отцовском одеяле. Она сняла примочку из водорослей и посмотрела на его плечо.

— Кино! — пронзительно крикнула Хуана.

Он отвел глаза от своей жемчужины и увидел, что отек у сына спадает, что его тельце побороло яд. И тогда пальцы Кино сомкнулись над жемчужиной, и он не совладал с собой. Он запрокинул голову и протяжно взвыл. Глаза у него закатились под лоб, из горла вырвался крик, тело по– вело судорогой.

Люди на других лодках испуганно оглянулись

и тут же ударили веслами и наперегонки понеслись к лодке Хуаны и Кино.

III

Каждый город схож с живым организмом. У каждого города есть нервная система, голова, плечи, ноги. Города разнятся один от другого, двух одинаковых не бывает. И эмоциональная жизнь их идет полным ходом. Каким образом вести распространяются по городу — это загадка, разрешить которую нелегко. Вести летят быстрее, чем мальчишки могут сорваться с места и побежать раззванивать их; быстрее, чем женщины могут обменяться ими, переговариваясь через ограду.

Не успели Кино с Хуаной и с другими ловцами жемчуга подойти к тростниковым хижинам, как нервы города напряглись и завибрировали, принимая поразительную весть: Кино выловил Жемчужину — самую большую в мире. Не успели мальчишки, еле переводя дух, выговорить эти слова, как их матери уже все узнали. Поразительная весть пролетела мимо тростниковых хижин и пенящейся волной обрушилась на город с каменными кирпичными домами. Она докатилась до священника, гуляющего по своему саду, поселила задумчивость в его очах и напомнила ему, что

церковь нуждается в ремонте. Священник прикинул, сколько может стоить такая жемчужина, и стал припоминать — крестил ли он младенца Кино, венчал ли Кино с женой? Весть пришла к хозяевам магазинов, и они поглядывали на залежавшуюся на полках мужскую одежду.

Весть пришла и к доктору, в то время как на приеме у него сидела женщина, которую мучили не болезни, а старость, хотя ни она сама, ни доктор не хотели признать это. И когда выяснилось, кто такой Кино, доктор принял вид строгий, но доступный.

— Его ребенок — мой пациент,– сказал доктор. Я лечу его от укуса скорпиона.

И он закатил заплывшие жиром глаза и вспомнил Париж. Комната, которую он снимал в Париже, представилась ему роскошной, его скуластая сожительница — прелестной, доброй девушкой, хотя про нее нельзя было сказать ни того, ни другого, ни третьего. Доктор устремил взгляд куда-то в пространство, мимо своей пожилой пациентки, и увидел себя в парижском ресторане, и гарсон откупоривал ему бутылку вина.

Раньше всех весть дошла до нищих на церковной паперти, и, услышав ее, нищие удовлетворенно захихикали, ибо они знали, что нет даятеля

более щедрого, чем бедняк, которому привалило нежданное счастье.

Кино выловил Жемчужину — самую большую в мире. В городе по маленьким конторам сидели агенты, скупщики жемчуга. Скупщики сидели каждый в своей конторе и ждали, когда им принесут жемчужины, и лишь только продавцы появлялись, они начинали тараторить, торговаться, кричать и грозить, и это продолжалось до тех пор, пока цена не падала до такого уровня, ниже которого ловец жемчуга уже не мог пойти. И для низкой цены был свой предел, и преступать его скупщики не смели, ибо бывали случаи, что, отчаявшись, человек уходил и жертвовал свои жемчужины церкви. А когда сделка совершалась, скупщики оставались в конторе одни, и пальцы их нервно поигрывали жемчужинами, и они жалели, что эти драгоценности принадлежат не им. Ибо на самом-то деле скупщиков было немного — скупщик был только один, и он, этот один человек, рассадил своих агентов по разным конторам, чтобы создать видимость конкуренции. Поразительная весть проникла и в скупочные конторы, и глаза у скупщиков сузились, в кончиках пальцев появился легкий зуд, и каждый скупщик подумал, что не вечно же будет жить

их хозяин, придется кому-нибудь со временем занять его место. И каждый из них представлял себе, как при наличии некоторого капитала он начнет свое собственное дело.

Многие вдруг воспылали интересом к Кино — им заинтересовались люди, занимающиеся торговлей, и люди, чающие подачек и помощи. Кино выловил Жемчужину — самую большую в мире. Сущность жемчужины смешалась с людской сущностью, и эта смесь выделила странный, мутный осадок. От каждого человека вдруг потянулись какие-то нити к жемчужине Кино, и жемчужина Кино проникла в чужие сны, желания, вожделения, расчеты, планы, замыслы, мечты о будущем, нужды, страсти, и лишь один человек стоял на пути к их утолению, и этот человек был Кино. И, как ни странно, все вдруг почувствовали в нем врага. Поразительная весть подняла со дна города нечто бесконечно злое и темное; темная муть была как скорпион или как чувство голода, когда голодного дразнит запах пищи, или как чувство одиночества у влюбленного, когда его любовь безответна. Ядоносные железы города начали выделять яд, и город вспухал и тяжело отдувался под его напором.

Но Кино и Хуана ничего этого не знали. Им, та-

ким счастливым и взволнованным, казалось, что все радуются их радостью. Хуан Томас и Аполония радовались, а ведь они оба тоже были частью того мира. Вечером, когда солнце спряталось за горами Полуострова и опустилось в открытое море. Кино присел на корточки у себя в хижине рядом с Хуаной. И в тростниковую хижину набились соседи. Кино держал в руке свою огромную жемчужину, и она лежала, теплая и живая, у него на ладони. И мелодия жемчужины, сливалась с Песнью семьи, и обе они звучали еще сладостнее от этого. Соседи разглядывали жемчужин; лежащую на ладони у Кино, и дивились — бывают же такие счастливцы на свете!

И Хуан Томас, который сидел на корточках по правую руку от Кино, ибо он приходился ему братом, сказал:

— Ты богач! Что же ты теперь будешь делать?

Кино ушел взглядом в свою жемчужину, а Хуана опустила ресницы и прикрыла лицо шалью, чтобы никто не заметил, как она волнуется. И в мерцающей жемчужине проступило все то, о чем Кино мечтал раньше и от чего отказался, ибо все это было несбыточно. Он увидел в жемчужине, как Хуана с Койотито на руках и сам он, Кино, стоят, преклонив колени, у высокого алтаря и

священник венчает их, потому что теперь они смогут заплатить ему. Он тихо проговорил:

— Мы обвенчаемся… в церкви.

Он увидел в жемчужине, как они будут одеты: на Хуане — шаль, совсем новая, так что складки у нее еще коробятся, и новая юбка, и Кино приметил, что из-под длинной юбки Хуаны выглядывают туфли. Все видно в тепло мерцающей жемчужине) Сам он в новом белом костюме, и шляпа у него новая — не соломенная, а тонкого черного войлока, и ноги тоже обуты — и на нем не сандалии, а башмаки со шнуровкой. Но Койотито — вот кто красавец! Койотито в синем матросском костюмчике из американского магазина, и на голове у него маленькая капитанская каскетка — Кино запомнилась такая, когда к ним в город зашел пароход с туристами. Кино разглядел все это в излучающей свет жемчужине, и он сказал:

— Мы купим новую одежду.

И мелодия жемчужины трубным гласом запела у него в ушах.

А потом на ее нежно-серой поверхности проступили и другие вещи, которые Кино так хотелось иметь: гарпун взамен того, что он упустил в море год назад,– новый железный гарпун с кольцом на древке, и (его мыслям нелегко было совершить

такой скачок)… и карабин! А что же? Ведь он теперь богатый! И Кино увидел Кино в жемчужине — Кино, который держал в руках винчестер. Мечты, безудержные мечты! Но как приятно так помечтать! Его губы нерешительно выговорили это слово.

— Карабин,– сказал он.– Может быть, я куплю карабин.

И карабин опрокинул все барьеры. Казалось бы, это немыслимо, но стоило ему подумать о покупке карабина, как горизонт распахнулся перед ним, и он устремился дальше. Ибо сказано, что человек никогда не удовлетворяется достигнутым: дайте ему желаемое, и он попросит что-нибудь еще. Да! Сказано — в умаление человеку, тогда как это один из самых замечательных его талантов, это талант, который возносит человека над животными, довольствующимися тем, что у них есть.

Соседи, толпившиеся в хижине, молча закивали в ответ на эти безудержные мечты. Но сзади кто-то прошептал: «Карабин. Он купит карабин».

Мелодия жемчужины торжествующим звоном стояла в ушах Кино. Хуана подняла голову и широко открытыми глазами посмотрела на Кино, дивясь его отваге, дивясь силе его мечты. А он,

раздвинувший перед собой горизонты, был теперь словно провод под током. В жемчужине ему виделся Койотито, сидевший за маленькой партой, точь-в-точь такой, какую он увидел однажды, заглянув в открытую дверь школы. Койотито был в курточке, а сверху на курточку был выпущен белый воротничок, подвязанный широким шелковым галстуком. Мало того! Койотито писал на большом листе бумаги. Кино свирепо посмотрел на своих соседей.

— Мой сын пойдет в школу,– сказал он, и соседи притихли.

Хуана громко передохнула. Глаза Хуаны, не отрывавшиеся от лица Кино, заблестели, и потом, словно проверяя, возможно ли такое чудо, она быстро перевела взгляд на Койотито, который лежал у нее на руках.

Лицо у Кино пророчески светилось.

— Мой сын будет листать и читать книги, и мой сын научится писать и понимать по писаному. И мой сын выучит цифры, и тогда мы станем свободными людьми, потому что он будет все знать, а от него и мы все узнаем.

И Кино увидел в жемчужине, как он сам и Хуана сидят на корточках перед маленьким костром в тростниковой хижине, а Койотито читает им

по большой книге.

— Вот что нам даст эта жемчужина,– сказал Кино.

Он ни разу в жизни не произносил столько слов подряд, и ему стало страшно своей многоречивости. Его пальцы сомкнулись над жемчужиной и погасили ее. Кино стало страшно, как бывает страшно человеку, когда он скажет; «Так будет»,- не зная, что его ждет впереди.

И соседи поняли, что у них на глазах свершилось великое чудо. Они поняли, что тот день, когда Кино нашел жемчужину, положит для них начало новому летосчислению и что толки об этом дне не затихнут долгие годы. Если все, о чем говорил Кино, исполнится, они станут рассказывать, какой он тогда был, и что он сказал, и как блестели у него глаза, и в конце своего рассказа добавят: «Кино словно преобразился. Великая сила вошла в него, и с этого все и началось. Видите, чем он стал теперь! И все это произошло у меня на глазах!»

А если замыслы Кино пойдут прахом, те же самые соседи будут рассказывать так: «С этого все и началось. Безумие охватило его, и он говорил безумные слова. Да хранит нас господь от такой беды! Господь покарал Кино, ибо он взбунтовался

против нашей жизни. Видите, что с ним стало! И я сам был при том, как разум покинул его».

Кино взглянул на свою сжатую в кулак руку и увидел запекшуюся кровь и кожу, стянувшуюся на суставах, разбитых о докторскую калитку.

Сумерки сгущались. Хуана перехватила шаль пониже, пристроила туда ребенка, так чтобы он лежал у ее бедра, подошла к ямке для костра и откопала уголек в золе и стала раздувать его, подкладывая сверху сломанные сухие ветки. Отсветы огненных язычков заплясали по лицам соседей. Соседи знали, что давно пора ужинать, но им не хотелось уходить.

Стало совсем темно, и отблески костра дотянулись до тростниковых стен, когда у входа в хижину возник шепот, и слова, сказанные там, шепотом же передавались из уст в уста.

— Отец идет… идет священник.

Мужчины обнажили головы и попятились от двери, а женщины покрыли шалями лица и опустили глаза. Кино и его брат Хуан Томас встали. В хижину вошел священник — седой, стареющий человек со старчески дряблым лицом и по-молодому острым взглядом. «Дети» — называл он этих людей и, как с детьми, обращался с ними.

— Кино,– мягко начал он,– ты получил имя

в честь великого мужа — великого отца церкви.– Это прозвучало как благословение.– Твой покровитель покорил пустыню и смягчил сердца твоих соплеменников. Известно ли тебе это? Так написано в книгах.

Кино быстро взглянул на головку Койотито, прижавшуюся к бедру Хуаны. Настанет день, подумал он. когда этот мальчик будет знать, что написано в книгах и чего там нет. Мелодия жемчужины умолкла, а вместо нее Кино услышал ту, другую — утреннюю. Медленной, тонкой струйкой зазвенел напев зла, вражеский напев, но он был еще слабый, еще отдаленный. И Кино оглядел своих соседей, стараясь угадать, с кем из них проникла сюда эта песнь.

Священник заговорил снова:

— Мне сказали, что ты нашел сокровище– огромную жемчужину.

Кино разжал руку и протянул ее на свет, и священник чуть слышно ахнул, пораженный величиной и прелестью жемчужины. И он сказал:

— Я надеюсь, сын мой, что ты не забудешь возблагодарить Того, кто даровал тебе такое счастье, и испросишь его водительства на будущее.

Кино молча кивнул, и вместо него тихо ответила Хуана:

— Мы не забудем, отец. И теперь мы обвенчаемся. Так сказал Кино. Она обвела соседей взглядом, ища подтверждения своим словам, и они торжественно склонили головы.

Священник сказал:

— Приятно знать, что ваши первые мысли — мысли благочестивые. Да хранит вас господь, дети мои.– Он повернулся и не спеша пошел к выходу, и люди расступились перед ним.

Но пальцы Кино снова сомкнулись вокруг жемчужины, и он подозрительно посмотрел по сторонам, потому что недобрая песнь снова зазвучала у него в ушах, зазвучала пронзительно, приглушая мелодию жемчужины.

Соседи один за другим разошлись по своим хижинам, и Хуана присела у костра и поставила на маленький огонь глиняный горшок с фасолью. Кино подошел к двери и выглянул наружу. Как и всегда, до него донесся запах дыма от костров, и он увидел затуманенные звезды и, почувствовав вечернюю сырость, прикрыл ноздри краем одеяла. Тощая собака опять подбежала к нему и приветственно затрепыхалась всем телом, точно флаг на ветру, но Кино обратил к ней взгляд и не увидел ее. Он прорвался сквозь кольцо горизонта в холодную пустоту. Он чувствовал себя

одиноким, беззащитным, и в стрекотанье цикад, в скрипучих голосах квакш, в урчанье лягушек ему слышался напев врага. Кино чуть вздрогнул и плотнее прикрыл ноздри краем одеяла. Жемчужина была все еще зажата у него в руке, зажата крепко, и он чувствовал ладонью, какая она гладкая и теплая.

За спиной у Кино Хуана пошлепывала руками по лепешкам, прежде чем положить их на глиняный противень. Кино чувствовал позади себя тепло и нежность, и Песнь семьи звучала там, словно мурлыканье котенка. Но теперь, сказав вслух, что его ждет впереди, он тем самым создал свое будущее. Замысел — это реальная вещь, и то, что ты замышляешь, живет в тебе. Замысел, родившийся и уже зримый, становится реальностью в ряду других реальностей. Он существует, его уже нельзя разрушить, но на него легко посягнуть. И будущее Кино стало такой реальностью, и лишь только оно утвердилось, другие силы — разрушительные — потянулись к нему, и Кино знал это и должен был готовиться к тому, чтобы отразить их посягательства. И еще Кино знал, что боги не любят людских замыслов, не любят, когда людям сопутствует успех, разве только если его приведет случай. Он знал, что боги мстят

человеку, добившемуся успеха своими собственными силами. И, зная это, Кино страшился своих замыслов, но, поскольку они уже существовали, разрушить их он не мог. И чтобы оградить свои замыслы от всяких посягательств, он постепенно заковывал себя в броню — один против всего мира. Его глаза, его разум нащупали опасность задолго до того, как она появилась.

Стоя в дверях, он увидел, что вдоль изгороди идут двое и один человек несет фонарь, который освещает землю и ноги их обоих. Они свернули к проходу в тростниковой изгороди и подошли к его хижине. И Кино узнал их: один был доктор, а другой — слуга, который отворил ему калитку утром. Рассеченные суставы его правой руки словно обожгло огнем, когда он увидел, кто идет к нему.

Доктор сказал:

— Меня не было дома, когда ты приходил утром. Но теперь я освободился и решил сразу же прийти посмотреть твоего ребенка.

Кино стоял на пороге, загораживая плечами вход в хижину, и ненависть бушевала в его глазах — ненависть и страх, ибо вековая покорность глубоко сидела в нем.

— Ребенок почти здоров,– отрывисто прогово-

рил он.

Доктор улыбнулся, но его глаза в отечных мешках не улыбались.

Он сказал:

— Укусы скорпиона дают иной раз неожиданные последствия, друг мой. Как будто наступает явное улучшение, и вдруг, когда никто этого не ждет…

Доктор надул губы и сделал ими «пуфф!», показывая, как скоро может наступить конец. И он переложил свою черную сумку с инструментами из правой руки в левую, так, чтобы на нее упал свет фонаря, ибо ему было хорошо известно, что народ Кино любит всякие инструменты и верит в их могущество.

— Иной раз,– ровным голосом продолжал доктор, иной раз у больного вдруг начинает сохнуть нога, или он слепнет, или становится горбуном! Мне ли не знать, что такое скорпион, друг мой, и я умею лечить от его укусов.

Кино почувствовал, как его ненависть и ярость испаряются и на их место приходит страх. Он ничего не понимает в болезнях, а доктор, может быть, действительно умеет лечить. Рисковать нельзя — нельзя отгораживаться от доктора своим явным невежеством. Доктор, может быть,

все понимает. Кино загнан в ловушку, всегда расставленную перед людьми его народа, и он не вырвется из нее до тех пор, пока не будет знать наверное, что написано в книгах и чего там нет. Да! Рисковать нельзя — нельзя подвергать опасности ни жизнь, ни прямую спинку Койотито. Кино отступил в сторону и пропустил доктора и его сл^гу в тростниковую хижину.

Хуана поднялась от огня и попятилась в угол и прикрыла ребенку лицо кистями шали. А когда доктор подошел к ней и протянул руку, она судорожно прижала Койотито к груди и метнула взгляд на Кино и увидела, как блики огня перебегают по его лицу.

Кино молча кивнул ей, и только тогда она позволила доктору взять ребенка.

— Посвети мне,– сказал доктор, и когда слуга поднял фонарь, доктор внимательно оглядел ранку на плече у Койотито. Он задумался на минуту, а потом завернул ребенку верхнее веко и посмотрел глазное яблоко. Он покачал головой, не отпуская сучившего ножками Койотито.

— Так я и думал,– сказал доктор. — Яд проник глубоко и скоро сделает свое дело. Поди сюда, посмотри.– Он снова завернул ребенку верхнее веко.– Видишь — посинело.– И Кино с ужасом убе-

дился, что и вправду глазное яблоко у Койотито голубоватое. А кто знает, может быть, оно у него всегда такое? Но ловушка была поставлена. Кино не посмел рисковать.

Отечные глаза доктора подернулись слезой.

— Я дам ему лекарство, может быть, оно поборет яд, сказал он, передавая ребенка отцу.

И доктор вынул из своей сумки маленький пузырек с белым порошком и желатиновую капсулу. Он всыпал порошок в капсулу, закрыл ее, вложил в другую — побольше и закрыл и эту. Дальнейшее было сделано ловко, умело. Доктор взял ребенка у Кино и, ухватив его двумя пальцами за нижнюю губу, открыл ему рот. Толстые пальцы доктора сунули капсулу на самый корень языка, так что ребенок не мог выплюнуть ее, а потом доктор поднял с пола маленький кувшин и дал Койотито глотнуть пульки — и все. Доктор снова посмотрел ему глазное яблоко, поджал губы и будто задумался.

Но вот он отдал ребенка Хуане и повернулся к Кино:

— Действие яда должно сказаться в течение часа. Если лекарство подействует, ребенок выживет. Через час я приду. Может быть, я поспел вовремя и спасу его.– Он глубоко вздохнул и вы-

шел из хижины, и слуга с фонарем последовал за ним.

Хуана держала ребенка у себя под шалью и смотрела на него сама не своя от волнения и страха. Кино подошел к ней, откинул край шали и тоже посмотрел на Койотито. Он поднял руку, чтобы оттянуть ему веко, и только тогда увидел, что жемчужина все еще зажата у него в руке. Он подошел к ящику у стены и вынул оттуда небольшую тряпицу. Он завернул в нее жемчужину, вырыл пальцами ямку в дальнем углу хижины, положил туда этот крошечный сверток, забросал его землей и разровнял место, так чтобы ничего не было видно. Потом вернулся к костру, около которого, не сводя глаз с лица Койотито, сидела Хуана.

Придя домой, доктор опустился в кресло и посмотрел на часы. Слуги подали ему легкий ужин — шоколад с песочным печеньем и фрукты, и доктор сидел, недовольно глядя на все это.

В соседних хижинах впервые обсуждалось то, чему было суждено долгие годы служить темой всех бесед, всех толков и пересудов. Соседи показывали друг другу, какая огромная эта жемчужина, соединяя кончики большого и указательного пальцев, и легкими ласкающими

движениями рук старались передать, до чего же она прекрасна. С этого дня соседи будут пристально следить за Кино и Хуаной, следить, не вскружило ли им голову богатство — ведь богатство кружит голову всем. Соседи знали, почему доктор пришел к Койотито. Доктор был плохой актер, и все догадались о цели его прихода.

А в Заливе маленькие рыбешки, сбившиеся плотным косяком, сверкали чешуей в воде, спасаясь от косяка крупных рыб, которые гонялись за ними, чтобы сожрать их. И людям, сидевшим по тростниковым хижинам, было слышно, как идет эта бойня, как мелочь со свистом рассекает волну, а хищники, стремительно вырываясь на поверхность, шлепают по воде плавниками и хвостом. Испарения поднимались над Заливом и солеными капельками оседали на кустах, кактусах и низкорослых деревьях. И мыши сновали по земле, а маленькие ночные ястребки бесшумно охотились на них.

Костлявый черный щенок с золотисто-огненными подпалинами над глазами подошел к дверям хижины Кино и заглянул туда. Он чуть не отвихлял себе зад, когда Кино скользнул по нему взглядом, и сразу затих, лишь только Кино отвел от него глаза. Щенок не вошел в хижину,

а, сидя у порога, с безумным интересом следил за тем, как Кино ел фасоль из маленького глиняного горшочка, как он вытер его дочиста лепешкой, съел и лепешку и запил все это пулькой.

Поужинав, Кино стал свертывать самокрутку, как вдруг Хуана резко вскрикнула:

— Кино!

Он взглянул на Хуану, встал и быстро подошел к ней, потому что в глазах Хуаны был ужас. Он нагнулся и ничего не разглядел в полумраке. Он подкинул ногой веток в ямку, чтобы костер разгорелся ярче, и тогда огонь осветил голову Койотито. Лицо у ребенка было все красное, горло судорожно подергивалось, в уголках рта проступила густая слюна. У Койотито начинались желудочные колики, и ему было совсем плохо.

Кино стал на колени рядом с женой.

— Значит, доктор говорил правду,– сказал он, сказал самому себе и жене, потому что мысли у него были все злые, недоверчивые и он все еще не забыл про белый порошок. Покачиваясь взад и вперед, Хуана жалобно затянула Песнь семьи, точно ею можно было отогнать беду, а ребенка тошнило, и он корчился у нее на руках. Кино был весь во власти своих сомнений, и напев зла гудел у него в ушах, почти заглушая песнь Хуаны.

Доктор выпил чашку шоколада, подобрал со скатерти крошки песочного печенья и отправил их в рот. Потом он вытер пальцы салфеткой, посмотрел на часы, поднялся и взял свою сумку.

Весть о том, что ребенку стало хуже, быстро облетела тростниковые хижины, потому что после голода болезнь самый страшный враг бедняков. И кое-кто из соседей тихо говорил: «Вот видите! По пятам за удачей идут ее пагубные друзья». И они вставали, покачивая головой, и шли к хижине Кино. Прикрывая краем одеяла ноздри от сырости, соседи со всех сторон спешили в темноте к хижине Кино, и скоро там опять стало тесно. Люди стояли и смотрели на Койотито и время от времени коротко переговаривались между собой о том, как это грустно, что такая беда случилась в день радости, и добавляли: «Все в руках

божиих».

Старухи присели на корточки рядом с Хуаной и пытались помочь ей, а если не помочь, так хоть утешить.

Доктор быстро вошел в хижину в сопровождении своего слуги. Он разогнал старух, точно это были куры. Он взял ребенка, осмотрел его и пощупал ему лоб.

— Яд оказывает свое действие,– сказал доктор.–

Но я буду бороться с ним. Сделаю все, что могу.

Он попросил воды и капнул в кружку три капли нашатырного спирта, потом разжал Койотито зубы и влил раствор ему в рот. Койотито пронзительно закричал, давясь и выплевывая лекарство, а Хуана, как обезумевшая, смотрела на него. Возясь с ребенком, доктор приговаривал:

— Счастье, что я умею лечить от укусов скорпиона, не то… — И доктор пожал плечами, давая этим понять, что было бы, если бы не его уменье.

Но Кино, еще не расставшийся со своими подозрениями, все смотрел н смотрел на раскрытую докторскую сумку и видневшийся в ней пузырек с белым порошком. Мало помалу судороги прекратились, и Койотито затих на руках у доктора. А потом он глубоко вздохнул и задремал, измученный приступами рвоты.

Доктор передал Койотито с рук на руки Хуане.

— Теперь дело пойдет на поправку,– сказал он. Я выиграл бой.

И Хуана обожающими глазами посмотрела на него.

Доктор уже закрыл свою сумку. Он спросил:

— Когда же ты думаешь расплатиться со мною? — Он проговорил это даже ласково.

— Я расплачусь, как только продам жемчужи-

ну, ответил Кино.

— У тебя есть жемчужина? И хорошая жемчужина? — заинтересовался доктор.

И тут хором вступили соседи.

— Он выловил самую большую в мире!– наперебой кричали они и, сомкнув кончики большого и указательного пальцев, показывали, какая она огромная, эта жемчужина.

— Кино разбогатеет,– перебивая один другого, говорили соседи.– Такой жемчужины еще никто не видел.

Доктор сделал удивленное лицо.

— Первый раз слышу. А где ты держишь свою жемчужину? В надежном месте? Хочешь, я спрячу ее у себя в сейфе?

Кино прикрыл глаза веками, и на скулах у него проступили желваки.

— Место надежное,– сказал он.– Завтра я продам ее и заплачу вам.

Доктор пожал плечами, но его слезящиеся глаза, не отрываясь, смотрели в глаза Кино. Он был уверен, что жемчужина спрятана в хижине, и следил, не взглянет ли Кино на то место, где она зарыта.

— Будет очень жаль, если жемчужину украдут у тебя до того, как ты ее продашь,– сказал доктор

и заметил, что Кино невольно метнул взгляд на пол, к угловой стойке хижины.

Когда доктор ушел и соседи нехотя разбрелись по домам, Кино присел на корточки у тлеющих в ямке углей и стал прислушиваться к ночным звукам — к шороху легкой прибрежной волны и лаю собак где-то вдалеке, к шелесту ветерка на крыше тростниковой хижины и к приглушенным голосам соседей, доносившимся из других хижин поселка. А голоса не умолкали, потому что сон у этих людей прерывистый: они проснутся среди ночи, поговорят и опять засыпают. И, посидев у тлеющего костра еще несколько минут, Кино встал и подошел к двери.

Он втянул ноздрями воздух и прислушался, не подползает ли, не крадется ли кто, и его глаза впивались в ночную темноту, ибо Песнь зла не стихала, а вместе с ней не стихали ни гнев, ни страх в сердце Кино. Приглядевшись, прислушавшись к ночи, он вернулся в хижину, подошел к угловой стойке, откопал жемчужину и, вырыв под циновкой другую ямку, положил се туда и прикрыл сверху землей.

А Хуана, сидевшая у костра, следила за ним недоумевающим взглядом, и когда он спрятал жемчужину, она спросила:

— Кого ты боишься?

Кино искал слово, нужное для ответа, и, найдя его наконец, сказал:

— Всех.– И почувствовал, как твердая броня одевает ему сердце.

Они легли на циновку, и в эту ночь Хуана не стала класть ребенка в ящик, подвешенный к потолку, а взяла его к себе и прикрыла ему лицо свой шалью. И вскоре в ямке для костра один за другим погасли все угольки.

Голова у Кино горела даже во сне, и ему снилось, что Койотито научился читать и что теперь он, его сын и сын его народа, расскажет своему отцу всю правду. Койотито читал книгу — огромную, величиной с дом, буквы в ней были большие, каждая величиной с собаку, и слова скакали и резвились по ее страницам. А потом на книгу упала густая тень, и сейчас же вслед за этим снова зазвучал злой напев, и Кино беспокойно заворочался во сне, и при первом же его движении глаза у Хуаны открылись. Кино проснулся, но злой напев все еще пульсировал у него в ушах, и он

лежал в темноте, насторожившись всем своим существом.

И вдруг из дальнего угла хижины до него донесся звук, такой слабый, что, может статься,

это только почудилось ему, затаенный шорох, бесшумная поступь, почти невнятное «х-х» сдерживаемого дыхания. Кино сам перестал дышать, прислушиваясь, и он знал: то темное, что таится в его доме, тоже не дышит и тоже прислушивается. Минуту-две в дальнем углу хижины все было тихо. Кино мог бы подумать, что он ошибся. Но рука Хуаны предостерегающе подкралась к его руке, и тут звук послышался снова: шорох шагов по утоптанному полу и царапанье пальцами по земле.

К сердцу Кино волной подступил смертельный страх, а вслед за страхом, как всегда,– гнев. Рука его метнулась к груди, туда, где висел на шнурке нож, и он вскочил с циновки и, хрипя, фыркая, как разъяренная кошка, бросился на то темное, что таилось в углу его дома. Он нащупал рукой мягкость ткани, ударил ножом, промахнулся, снова ударил, почувствовал, что нож распорол ткань, и тут мозг ему пронзило молнией, и его обожгло взрывом боли. Шорох у порога, быстро удаляющийся топот ног-и все стихло.

Кино почувствовал, что со лба у него течет теплая кровь, услышал зов Хуаны:

— Кино! Кино!

И в голосе ее был ужас. Тогда холодное спокой-

ствие пришло к нему, так же стремительно, как минуту назад гнев, и он сказал:

— Я жив. Здесь больше никого нет.

Он ощупью пробрался к циновке. А Хуана уже была у костра. Она раскопала в золе уголек, бросила на него разорванных кукурузных листьев, подула на них, и по хижине заплясали маленькие отсветы огня. А потом Хуана достала из потайного места огарок священной свечки, зажгла его и поставила на камень у костра. Хуана двигалась быстро и тихо напевала все время. Она намочила край своей шали в воде и вытерла Кино кровь со лба.

— Ничего,– сказал Кино, но голос и глаза были у него угрюмые, холодные, и ненависть росла в нем.

И тогда напряжение, кипевшее в Хуане, прорвалось наружу, губы у нее сжались тонкой полоской.

— Эта жемчужина недобрая!– крикнула Хуана. В ней грех! Она погубит нас! — В голосе Хуаны зазвучали пронзительные нотки.– Выбрось ее. Кино. Давай раздавим ее жерновом. Давай закопаем ее и забудем то место. Давай бросим ее назад в море. Она несет с собой беду. Кино, муж мой! Она погубит нас!– И в отблесках огня, плясавшего

по хижине, губы и ресницы Хуаны дрожали от страха.

Но во взгляде Кино была непоколебимость, и волю его тоже ничто не могло поколебать.

— Когда мы еще дождемся такого? — сказал он.– Наш сын должен учиться в школе. Он должен разорвать путы, которые держат нас.

— Она принесет нам гибель! -крикнула Хуана.– Всем нам, даже нашему сыну.

— Молчи,– сказал Кино.– Довольно говорить. Утром мы продадим жемчужину, и все, что в ней есть недоброго, уйдет, останется только хорошее. Молчи, жена.– Его темные глаза хмуро уставились на огонь, и тут он впервые почувствовал, что все еще держит нож в руке, и, взглянув на стальное лезвие, увидел на нем узкую полоску крови. Секунду он колебался, а потом, вместо того чтобы вытереть нож о брюки, счистил с него кровь, ударив им в землю.

Вдали уже начали перекликаться петухи, и в воздухе потеплело — рассвет был близок. Утренний ветер покрывал рябью гладь речного устья, шелестел листвой мангровых деревьев, и маленькие волны все чаще и чаще набегали на мелкую ракушку прибрежной кромки. Кино приподнял циновку, откопал свою жемчужину и положил

ее перед собой.

И красота жемчужины, зыбко мерцающей серебром при свете огарка, обманула его своей прелестью. Она была такая красивая, такая нежная, и у нее была своя песнь песнь, полная обещаний, сулящая радость, надежное будущее, покой. Ее теплое свечение было как целебное снадобье на саднящую рану, как стена, ограждающая от обид. Она навсегда захлопывала дверь перед голодом. И по мере того, как Кино смотрел на нее, взгляд у него становился все мягче и напряженность сходила с лица. Он видел маленькое отражение огарка в серебристой поверхности жемчужины, он слышал чудесную песнь подводного царства, музыку рассеянного зеленого света на морском дне. Взглянув на него украдкой, Хуана увидела, что он улыбается. И так как они были все же одним существом, одной волей, она улыбнулась вместе с ним.

И в утро этого дня их приласкала надежда.

IV

Не достойна ли удивления зоркость, с какой каждый маленький городок следит и за самим собой, и за отдельными единицами, составляющими его целое. Если мужчина, женщина, ребенок живет, придерживаясь раз и навсегда установленных правил, и не нарушает обычаев, не отличается от других мужчин, женщин и детей, не идет на риск новизны, не страждет каким-нибудь недугом и не грозит ни душевному покою, ни размеренному течению жизни города, тогда эта единица пребывает в неизвестности и ничем не дает знать о себе. Но пусть только кто-нибудь один сделает шаг в сторону от рутины мысли или от раз заведенного, надежного порядка вещей, и нервы горожан сейчас же отзовутся на это, нервная система города сейчас же придет в действие. И тогда каждая отдельная единица сообщается с другими такими же единицами.

И вот ранним утром по всему городу Ла-Пас разнеслась весть, что днем Кино пойдет продавать свою жемчужину. Это стало известно соседям в тростниковых хижинах и ловцам жемчуга; это

стало известно в китайских бакалейных лавках; это стало известно в церкви, потому что служки перешептывались между собой, делясь последней новостью о жемчужине. Слух об этом дошел и до монахов; нищие на церковной паперти обсуждали его, ибо им-то наверняка предстояло вкусить от первых плодов удачи, выпавшей на долю Кино. Мальчишки встретили эту новость восторженными криками, но больше всех она взволновала скупщиков жемчуга, и когда день наступил, каждый скупщик уже сидел у себя в конторе наедине со своим черным бархатным лотком и кончиками пальцев катал по нему жемчужины и заранее репетировал свою роль в предстоящем событии.

Издавна принято было считать, что скупщики жемчуга ведут свои дела каждый сам по себе и перехватывают друг у друга жемчужины, которые приносят им на продажу. И когда-то действительно так и было. Но этот порядок не оправдал себя, ибо, горячась, скупщики частенько переплачивали ловцам жемчуга, и мириться с таким расточительством в конце концов не пожелали. В дальнейшем остался только один скупщик-многорукий скупщик, и люди, которые сидели по своим конторам в ожидании Кино, знали заранее,

сколько они предложат за его жемчужину, сколько надбавят и на какие пойдут ухищрения, чтобы сбить цену. И хотя эти скупщики работали не на процентах, а получали только свое жалованье, их трепала лихорадка, ими владел охотничий азарт, потому что человек, которому по роду его занятий надлежит сбивать цену, торгуется с радостью, с восторгом и сбивает ее настолько, насколько это удается ему. И так всякий из нас на любом жизненном поприще действует в полную меру своих способностей и выполняет все от него зависящее, что бы мы там ни думали сами о себе. Скупщик жемчуга остается скупщиком жемчуга независимо от того, получит ли он награду за свои труды, повысят ли его в должности, удостоят ли похвалы, и самый лучший, самый удачливый среди них тот, кто покупает жемчуг по самой низкой цене.

Солнце, желтое и горячее в то утро, поднимало испарения с речного устья и с Залива и серебристо-дымчатымь шарфами развешивало их в воздухе, а воздух дрожал, даль расплывалась в нем. К северу от города над Заливом стоял мираж — отображение горы, которая была больше чем в двухстах милях отсюда, и отвесные склоны этой горы были укутаны сосновыми лесами, а

над линией лесов она вздымалась в небо голой скалистой вершиной.

В утро этого дня лодки лежали на берегу, никто не вышел на ловлю жемчуга, ибо в городе ожидались важные события, надо было присутствовать при них и видеть собственными глазами, как Кино пойдет продавать свою огромную жемчужину.

В утро этого дня обитатели тростниковых хижин засиделись за завтраком, и каждый из них говорил о том, что бы он сделал, если бы жемчужина досталась ему. И один человек сказал, что он принес бы ее в дар святому отцу в Риме. Другой — что он уплатил бы за помин души всех своих родственников на тысячу лет вперед. Третий предпочитал, выручив деньги за жемчужину, раздать их беднякам Ла-Паса, а четвертый прикидывал, сколько можно сделать добра на такую большую сумму, скольких можно осчастливить, выручить, спасти. Соседи надеялись, что свалившееся на Кино богатство не вскружит ему голову, не превратит его в черствого богача, не привьет ему дурных черенков от дичка скупости, злобы и бессердечия. Ибо Кино любили в поселке, и было бы жаль, если бы жемчужина принесла ему гибель. «У него такая хорошая жена Хуана,

говорили соседи,– и такой славный мальчик Койотито, и ведь Койотито — не последний, будут и другие дети. Неужели огромная жемчужина погубит их всех?»

Для Кино и Хуаны утро этого дня было лучшим за всю их жизнь, и они могли сравнить его только с тем днем, когда родился Койотито. Этот день положит начало всем последующим. И они будут говорить: «Это было за два года до того, как мы продали жемчужину». Или: «Эго было спустя полтора месяца после того, как мы продали жемчужину». Хуана решила, что в такой день можно на все махнуть рукой, и она одела Койотито в платьице, которое береглось к его крещению, когда будет чем заплатить за крещение. И Хуана расчесала волосы, вплела в косы красные ленты, завязала концы бантиками и нарядилась в свою свадебную юбку и кофточку. Когда все приготовления подошли к концу, солнце уже высоко поднялось над горизонтом. Рубашка и брюки у Кино были хоть и рваные, но, чистые, и в этот день он последний раз надевал на себя лохмотья. Ибо завтра, а может статься, даже сегодня у него будет все новое.

Соседи, посматривавшие сквозь щели в стенах на дверь хижины Кино, тоже были одеты и гото-

вы к выходу. Собираясь вместе с Кино и Хуаной идти продавать жемчужину, никто из них не испытывал ни малейшего чувства неловкости. Так и следовало поступить в этот знаменательный день, надо быть сумасшедшим, чтобы не пойти вместе с Кино и Хуаной. Останься они дома, это можно было бы счесть чуть ли не знаком недружелюбия с их стороны.

Хуана бережно надела шаль на голову, и один ее конец спустила по правому боку и перекинула через правую руку, так что получилось нечто вроде маленькой люльки, и в эту люльку она посадила Койотито — пусть все увидит, и не только увидит, а может быть, и запомнит. Кино надел широкополую соломенную шляпу и потрогал тулью рукой — все ли в порядке, ибо надевать ее следовало не на затылок и не набекрень, как любит носить шляпы бесшабашная, неженатая молодежь, и не прямо, как носят люди пожилые, а чуть на нос, что должно было подчеркивать напористость, деловитость и силу воли ее обладателя. О многом можно судить по тому, как сидит у человека шляпа на голове! Кино сунул ноги в сандалии и завязал ремешки. Огромная жемчужина была завернута в кусок мягкой замши и положена в кожаный мешочек — в нагрудный

карман. Кино аккуратно скатал одеяло в длину, перебросил его через левое плечо, и теперь они были готовы — все трое.

Полный достоинства. Кино вышел из своей хижины, а следом за ним Хуана с Койотито на руках. И на промытой отливом дороге к ним один за другим присоединились соседи. Хижины извергали на улицу взрослых, выплескивали детей. Но цель этого шествия была такая серьезная, что только один человек шагал рядом с Кино, и это был его брат Хуан Томас.

Хуан Томас наставлял младшего брата.

— Смотри, как бы тебя не обманули. Надо действовать осмотрительно,– говорил он.

— Очень осмотрительно,– согласился с ним Кино.

— Мы не внаем, сколько платят за жемчуг в других городах,– говорил Хуан Томас.– Как угадать настоящую цену, если нам неизвестно, сколько скупщик получит за твою жемчужину в другом городе?

— Ты прав,– сказал Кино.– Но откуда нам это знать? Мы живем здесь, мы не знаем, что делается в других местах.

Чем ближе они подходили к городу, тем больше и больше росла сопровождающая их толпа, но

Хуан Томас продолжал говорить, потому что его мучило беспокойство.

— Когда тебя еще не было на свете. Кино,– говорил он,– старики все думали, как сделать, чтобы получать больше денег за жемчуг. И они решили найти человека, который возил бы жемчуг в столицу и продавал бы его там и получал бы плату за свои труды.

Кино склонил голову:

— Знаю,– сказал он.– Это было мудрое решение.

— И такого человека нашли,– продолжал Хуан Томас.– Все отдали ему свои жемчужины и отправили его в путь. И с тех пор он как в воду канул, а вместе с ним и жемчуг. Тогда нашли другого человека, и его тоже отпра– вили в большой город, и он тоже исчез. После этого старики отказались от своей затеи, и все пошло по-прежнему.

— Знаю,– сказал Кино.– Я помню, как наш отец рассказывал об этом. Старики решили мудро, но религия не позволяет так делать. Об этом нам говорил священник. Пропажа всех жемчужин была возмездием тем, кто захотел сменить свое место на лучшее. Священник объяснил нам, что каждый мужчина и каждая женщина-это воин, посланный господом богом охранять чер-

тог Вселенной. Кому положено нести стражу на крепостном валу, кому — во тьме подземелья. Оставлять свой пост не дозволено и бегать с места на место тоже не дозволено, ибо тогда силы ада восстанут и чертог будет разрушен.

— Я слышал эту проповедь,– сказал Хуан Томас,– Он читает ее каждый год.

Братья чуть прищурились, так, как щурился весь их народ — и сами они, и прадеды, и прапрадеды их — вот уже четыреста лет, с того самого дня, когда эту страну заполнили чужеземцы, всезнающие, всевластные и готовые в любую минуту подкрепить порохом свои знания и власть. И за четыреста лет народ Кино научился отгораживаться от них только чуть заметным прищуром глаз, чуть заметными складками у рта и отчужденностью. Ничто не могло разрушить эту ограду, ничто не могло помешать им оставаться самими собой под ее защитой.

Нарастающая толпа двигалась торжественным шагом, чувствуя все значение этого дня, и если кто-нибудь из ребятишек затевал драку, поднимал крик или плач, срывал шляпу с головы у сверстника и взъерошивал ему волосы, взрослые шикали на озорников и смиряли их. Настолько важные события ожидались в этот день, что один

дряхлый старец тоже примкнул к процессии, восседая на могучих плечах своего внука. Процессия миновала тростниковые хижины и вступила в город с кирпичными и каменными домами, где улицы были чуть пошире, а вдоль домов шли узкие тротуары. И как накануне к ней примкнули нищие с церковной паперти; ее провожали глазами лавочники; маленькие таверны опустели, хозяева заперли их и тоже двинулись вместе с толпой. А солнце заливало город зноем, и тень на землю отбрасывали даже мелкие камешки.

Слух о приближении процессии опередил ее, и скупщики жемчуга выпрямились и насторожились, сидя в своих маленьких темных конторах. Они стали перелистывать какие-то бумаги, притворяясь занятыми на случай появления Кино, и убрали свой жемчуг с глаз долой, ибо не годится, чтобы мелкие жемчужины оставались на столе, когда рядом с ними ляжет красавица. Весть о прелести жемчужины, которую несет Кино, уже дошла до них. Конторы скупщиков теснились все на одной узенькой улице, окна у них были снаружи зарешечены, а изнутри закрыты жалюзи, и оттого, что свет проникал внутрь только сквозь щели между деревянными планками, в конторах всегда стояла мягкая полутьма,

В одной из контор сидел грузный, неповоротливый человек. Выражение лица у него было отечески доброе, 41 взгляд ласковый. Такой здоровается приветливо и обязательно за руку, знает множество анекдотов — словом, душа нараспашку. А какая в нем отзывчивость! Посреди шуток и смеха вдруг загрустит, вспомнив вашу покойную тетушку, и смахнет слезу, скорбя о вашей невозвратимой утрате. В то утро он поставил себе на стол вазу, а в нее единственный цветок — алый гибискус, и ваза соседствовала с черным бархатным лотком для жемчуга. Лицо у этого человека было выбрито до синевы, руки были чистые, с отполированными ногтями. Дверь его конторы стояла распахнутой навстречу утру, и он напевал что-то себе под нос, а правой рукой проделывал фокус с монетой. Монета перекатывалась у него по костяшкам пальцев, уходила на ладонь, подскакивала кверху, поблескивая на свету. Она мгновенно исчезала и снова появлялась, а он даже не смотрел на нее. Пальцы работали сами собой, с точностью автомата, и человек напевал что-то себе под нос и поглядывал на дверь. И вдруг он услышал топот приближающейся толпы, пальцы его правой руки заработали еще быстрее, и когда Кино появился в дверях, монета

сверкнула в последний раз и исчезла.

— Добрый день, друг мой,– сказал грузный человек. Чем могу служить тебе?

Глаза Кино не сразу привыкли к полумраку маленькой конторы, потому что в них все еще стояло слепящее солнце. А в глазах скупщика стояла жестокость, и они смотрели на Кино по-ястребиному — в упор, не мигая, тогда как губы его приветливо улыбались. И правая рука, спрятанная под столом, по-прежнему играла монетой.

— Я принес жемчужину,– сказал Кино. И Хуан Томас, стоя рядом с ним, чуть слышно хмыкнул, недовольный сдержанностью этого ответа. Соседи смотрели в контору с порога, мальчишки висели на оконной решетке, а двое-трое малышей, опустившись на четвереньки, наблюдали за всем происходящим, выглядывая из-за ног Кино.

— Ты принес одну жемчужину,– сказал скупщик,– а мне приносят их сразу по десять-двенадцать штук. Ну что ж, покажи свою жемчужину. Мы оценим ее и заплатим тебе по справедливости.– И его пальцы лихорадочно завертели монету.

Чутье подсказало Кино, что надо бить на эффект. Это получилось у него как-то само собой.

Медленно положил он на стол кожаный мешочек, медленно вынул оттуда грязную замшевую тряпочку, скатил огромную жемчужину на черный бархатный лоток и, мгновенно подняв глаза, посмотрел скупщику в лицо. Ни малейшей перемены не было в этом лице — оно не дрогнуло, ничем не выдало себя, но рука, спрятанная под столом, дала осечку. Монета запнулась за сустав пальца и бесшумно скользнула скупщику «а колени. И пальцы, прятавшиеся под столом, сжались в кулак. Когда правая рука вынырнула из своего тайного убежища, указательный палец тронул огромную жемчужину, пустил ее по черному бархату лотка; большой и указательный подняли ее, поднесли к глазам скупщика и подкинули в воздух.

Кино затаил дыхание, и соседи тоже затаили дыхание, и по толпе — от стола к дверям — пронесся шепот:

— Он рассматривает ее. Цену еще не сказал… О цене речи пока не было.

Рука скупщика действовала сама по себе. Рука бросила огромную жемчужину обратно на бархатный лоток, указательный палец толкнул, щелкнул ее — он издевался над ней, а на лице скупщика заиграла грустная, презрительная

усмешка.

— Ничего не могу поделать, друг мой,– проговорил он и чуть пожал плечами, выражая этим свою полную непричастность к постигшей Кино неудаче.

— Эта жемчужина стоит больших денег,– сказал Кино.

Пальцы скупщика снова щелкнули жемчужину так, что она заметалась по бархатному лотку, мягко отскакивая от его бортов.

— Знаешь, что такое обманка?– Спросил скупщик. Люди ищут золото, а находят обманку. Так и с твоей жемчужиной. Она слишком велика. Кто ее купит? На такие спроса нет. Это всего лишь диковинка. Жаль, но что поделаешь? Ты думал, что твоя жемчужина стоит огромных денег, а ведь это только диковинка, особой ценности она не имеет.

В глазах у Кино были растерянность, тревога.

— Она самая большая в мире!– воскликнул он.– Такой жемчужины еще никто не видел!

— Ошибаешься,– сказал скупщик.– Она слишком большая, грубая. Она представляет интерес лишь как редкостный по величине экземпляр. Если ее купят, так разве в какой-нибудь музей для пополнения коллекции морских раковин. Я

могу предложить тебе за нее… ну, скажем, тысячу песо.

Лицо у Кино потемнело, глаза смотрели грозно.

— Она стоит пятьдесят тысяч,– сказал он.– Вы сами это знаете. Вы хотите обмануть меня.

Ухо скупщика уловило, как по толпе, услышавшей предложенную цену, прошел невнятный ропот. И скупщик почувствовал легкую дрожь страха.

— Не вини меня,– быстро проговорил он.– Я всего лишь оценщик. Спроси кого-нибудь еще. Сходи к другим скупщикам и покажи им свою жемчужину. А лучше пусть они сами придут сюда, и ты убедишься, что мы не в сговоре. Эй!– крикнул он и приказал мальчику, выглянувшему из-за двери в глубине конторы:– Сбегай к тому-то и тому-то. Попроси их прийти сюда, только не говори зачем. Скажи просто, что я буду рад их видеть.– И правая рука нырнула под стол и вынула еще одну монету из кармана, и монета начала перекатываться взад и вперед по костяшкам пальцев.

Соседи Кино перешептывались между собой. Они так и думали, что добром это не кончится. Слов нет, жемчужина большая, но цвет у нее необычный. Она с самого начала показалась им

какой-то странной. И если уж на то пошло, тысяча песо на дороге не валяется. Для человека, у кото– рого ничего нет, это целое состояние. А что, если Кино согласится на такую цену? Ведь только вчера он был бедняком.

Но Кино словно окаменел. Он чувствовал, что судьба его решается, что его кольцом окружает волчья стая, что над ним вьются стервятники. Он чувствовал, как зло подкрадывается к нему, и не знал, где искать защиты. Он слышал вражескую песнь, она стояла у него в ушах. А огромная жемчужина, поблескивая, лежала в черном бархатном лотке, и человек, сидевший за столом, не мог отвести от нее глаз.

Толпа в дверях дрогнула и расступилась, давая дорогу троим скупщикам. Толпа примолкла теперь, боясь упустить хоть слово, боясь прозевать малейшее движение, малейший взгляд. Кино тоже молчал — молчал настороженно. И вдруг он почувствовал, что его потянули сзади за рубашку, и, оглянувшись, посмотрел в глаза Хуаны, и когда он отвернулся от нее, новые силы прихлынули ему к сердцу.

Скупщики смотрели куда угодно, только не друг на друга и не на жемчужину. Тот, что сидел за столом, сказал:

— Я оценил вот эту жемчужину. Ее хозяин не согласен с моей оценкой. Прошу вас взглянуть на эту… эту вещь и определить ее стоимость. Учти,– обратился он к Кино, что я не назвал суммы, которую предложил тебе. Первый скупщик, тощий, жилистый, словно только сейчас увидел жемчужину. Он взял ее, быстро покатал между большим и указательным пальцами и презрительным жестом бросил в лоток.

— Меня можете не принимать в расчет,– сухо проговорил он.– Я ничего не дам. Мне такая не нужна. Это не жемчужина… Это какое-то чудовище.– Его тонкие губы сжались еле заметной полоской.

Теперь второй скупщик, маленький, с тихим, робким голосом, взял жемчужину, внимательно осмотрел ее. Он вынул лупу из кармана и посмотрел на жемчужину еще раз. И негромко рассмеялся.

— Искусственные и то бывают лучше,– сказал второй скупщик.– Мне такие попадались. Она мягкая, рыхлая. Через несколько месяцев потускнеет и умрет. Смотри…– Он протянул лупу Кино, показал, как пользоваться ею, и Кино, которому никогда не приходилось разглядывать жемчуг сквозь увеличительное стекло, испугался, увидев,

какая странная поверхность у его жемчужины.

Третий скупщик взял ее у Кино.

— Один мой клиент интересуется такими вещами, сказал он.– Даю пятьсот песо, а ему, может быть, продам за шестьсот.

Кино быстро протянул руку и выхватил жемчужину у него из пальцев. Он завернул ее в замшевый лоскут и сунул за пазуху.

Человек, сидевший за столом, сказал:

— Я, конечно, набитый дурак, но от своей цены не отступлюсь. Даю по-прежнему тысячу песо. Что это ты? — удивился он, когда Кино спрятал жемчужину.

— Вы меня обманываете!– гневно крикнул Кино. Я не буду продавать здесь свою жемчужину. Я поеду в другой город, может быть, даже в столицу.

Скупщики быстро переглянулись. Они поняли, что переборщили; они знали, что им влетит за такой промах, и тогда человек, сидевший за столом, быстро проговорил:

— Хорошо, даю полторы тысячи.

Кино повернулся и, расталкивая соседей, пошел к двери. Жужжание голосов доносилось до него смутно, сквозь яростный гул крови в ушах, и, пробившись к выходу, он зашагал прочь от

конторы. Хуана рысцой поспевала за ним.

Когда наступил вечер, соседи разошлись по домам и, ужиная кукурузными лепешками и фасолью, обсуждали важные события этого дня. Трудно сказать, где правда. Слов нет, жемчужина красивая, но они впервые видят такую, а скупщики разбираются в жемчуге лучше всех. «И вы помните?– говорили они.– Скупщики не советовались друг с другом, и все трое признали, что жемчужина не имеет никакой цены».

— А может, они сговорились заранее?

— Если это так, значит, нас обманывают всю нашу жизнь.

Может быть, говорили некоторые, может быть, Кино не следовало отказываться от полутора тысяч песо. Это большие деньги, он таких денег и в руках не держал. Может быть. Кино безмозглый дурак? А что, если он и в самом деле поедет в столицу и не найдет там покупателя на свою жемчужину? Такое трудно пережить. Вот теперь, говорили трусливые, теперь когда Кино пошел наперекор этим скупщикам, они вовсе не захотят иметь с ним дело. Может быть, Кино сам положил голову на плаху, сам погубил себя.

Другие же говорили: «Кино отважный человек, такого человека не запугаешь; он прав». И они

гордились своим соседом Кино.

А Кино, опустив голову, сидел на циновке у себя в хижине и думал. Жемчужина была зарыта под камнем у костра. Кино долго, не отрываясь, смотрел на пеструю циновку, и у него уже начинало рябить в глазах. Он потерял свой мир, а нового не нашел. И Кино было страшно. Еще ни разу в жизни нс случалось ему далеко уходить из дому. Чужие люди, чужие места страшили его. Он представлял себе это чудовище, что зовется столицей, чудовище, где все чужое. Оно притаилось за морем, за горами, до него тысячи миль, и каждая чужая, страшная миля внушала Кино ужас. Но он потерял свой старый мир, и теперь ему надо было пробираться в новый, ибо его мечта о будущем была реальна, уничтожить ее никто не мог. Он сказал «я пойду», и это «пойду» тоже обрело реальность. Решиться пойти и сказать об этом вслух — все равно что быть на поли, к цели.

Хуана следила за ним, когда он зарывал жемчужину; она следила за ним, купая и кормя грудью Койотито, а теперь Хуана пекла кукурузные лепешки на ужин.

Хуан Томас вошел к ним в хижину и присел на корточки рядом с Кино, и после долгого молчания Кино сказал;

— Что мне было делать? Эти люди обманщики.

Хуан Томас медленно покачал головой. Он был старший, и Кино прибегнул к его мудрости.

— Не знаю, как быть…-ответил он.– Нас обманывают со дня нашего рождения и до самой могилы, когда втридорога просят за гроб. Но мы живем, несмотря ни на что. Ты пошел наперекор не только скидкам жемчуга, но наперекор всей нашей жизни, наперекор всему, на чем она держится, и я страшусь за тебя.

— Что мне грозит, кроме голода? — спросил Кино.

Хуан Томас медленно покачал головой.

— Голод грозит нам всем. Но что, если ты прав… что, если жемчужина стоит больших денег?.. Ты думаешь, этим все кончится?

— Как тебя понять?

— Сам не знаю,– сказал Хуан Томас,– но я страшусь за тебя. Ты ступил на неизведанную землю, дороги ее незнакомы тебе.

— Я все равно пойду. Я не стану откладывать,– сказал Кино.

— Да. Идти надо,– согласился с ним Хуан Томас. Но как знать? Может быть, там, в столице, будет то же самое? Здесь у тебя много друзей, здесь я — твой брат. А там ты один.

— Что же мне делать?– воскликнул Кино.– Здесь творятся беззакония. Мой сын должен быть счастлив. А они замахиваются на его счастье. Друзья не оставят меня без помощи.

— Да, они не откажутся помогать, пока это не будет им в тягость, пока это не подвергнет их опасности,– сказал Хуан Томас и встал со словами: — Да хранит тебя господь.

И Кино тоже сказал:

— Да хранит тебя господь,– и даже не посмотрел брату вслед, потому что эти слова странным холодком отозвались у него в груди.

Когда Хуан Томас ушел. Кино долго сидел на циновке и думал. Оцепенение и серая безнадежность сковывали его. Перед ним были закрыты все пути. Грозный напев врага не умолкал. Мысли жгли его, не давая ему покоя, но чувства по-прежнему были в тесном сродстве со всем миром, и этот дар единения с миром он получил от своего народа. Он слышал, как надвигается ночь, как прядают на песок и откатываются назад, в Залив, маленькие волны, слышал сонные жалобы птиц, устраивающихся на покой, и любовное томление кошек, и ровный посвист пространства. И в ноздрях у него стоял острый запах водорослей, оставленных отливом на берегу. Маленькие

язычки огня бросали узорчатые тени на циновку, и он застывшим взглядом смотрел на них.

Хуана тревожно следила за ним, но она знала его, знала, что лучшая помощь ему — это молчать и быть рядом. И Хуане словно тоже слышалась Песнь зла, и она боролась с ней, тихонько напевая песенку о семье, песенку о покое, тепле, нерушимости семьи. Она держала Койотито на руках и пела ему, гоня беду прочь, и голос ее смело восставал против угрозы, таившейся в суровой мелодии зла.

Кино, не двигаясь, сидел на циновке и не просил ужинать. Но Хуана знала: он попросит, когда проголодается. Взгляд у Кино был застывший, и он чувствовал, что зло настороже, что оно неслышно бродит за стенами тростниковой хижины. Потайное, крадущееся, оно поджидало его в темноте. Оно страшной тенью расплывалось в ночи, но эта тень звала, грозила, бросала ему вызов. Его правая рука скользнула за пазуху и тронула нож, глаза расширились; он встал и подошел к двери.

Хуана хотела остановить его; она подняла руку, чтобы остановить его, и в ужасе глотнула воздух. Кино долго вглядывался в темноту, а потом ступил за дверь. Хуана тотчас услышала почти

бесшумный бросок, натужный хрип, звук удара. Она застыла на месте, скованная ужасом, но через секунду между губами у нее, как у кошки, блеснул оскал зубов. Она опустила Койотито на пол. Она схватила камень, лежащий у костра, и выбежала из хижины, но там, у тростниковой изгороди, все стихло. Кино пытался встать, приподняться с земли, а около него никого не было. Только колеблющиеся тени и плеск то набегающих, то уходящих волн и ровный посвист пространства. Но зло было здесь, повсюду, оно пряталось за тростниковой изгородью, таилось возле хижины, ширяло в воздухе.

Хуана бросила камень и, обняв Кино, помогла ему встать и повела домой. Кровь струилась у него с волос, а от уха до подбородка, через всю щеку, шла рана — глубокая кровоточащая рана. Он еле переступал ногами, почти теряя сознание, и все мотал и мотал головой. Рубашка на нем была располосована и висела клочьями. Хуана помогла ему сесть на циновку, подолом юбки утерла густеющую кровь с лица и дала глотнуть пульки из маленького кувшинчика. Но он все мотал и мотал головой, стараясь прогнать дурманящую темноту из глаз.

— Кто?– спросила Хуана.

— Не знаю,– сказал Кино.– Не видел.

Тогда Хуана принесла воды в глиняном горшке и промыла ему рану, а он сидел, тупо глядя в одну точку.

— Кино, муж мой!– воскликнула Хуана, но его глаза смотрели мимо нее.– Кино, ты слышишь меня?

— Слышу,– вяло проговорил он.

— Кино, эта жемчужина недобрая. Давай уничтожим ее, пока она не уничтожила нас самих. Давай раздавим ее жерновами. Давай… давай бросим ее в море, ей место только там. Кино, она недобрая, недобрая!

И пока Хуана говорила, свет постепенно разгорался в глазах Кино, и они яростно вспыхнули, и мускулы у него на лице окрепли, и воля тоже окрепла.

— Нет,– сказал Кино.– Я не сдамся. Я одолею. Мы не упустим своего счастья.– Он с размаху ударил кулаком по циновке.– Никто не отнимет у нас нашей удачи.– И взгляд у него смягчился, и он ласковой рукой тронул Хуану за плечо.– Доверься мне,– сказал он.– Я мужчина.– И в глазах у него блеснула хитрая искорка.– Утром мы спустим лодку на воду и поедем по морю, а потом пойдем через горы к столице. Пойдем оба — ты и я. Боль-

ше нас никто не обманет. Я мужчина.

— Муж мой!– хрипло проговорила Хуана.– Мне страшно. Мужчину тоже могут убить. Давай бросим жемчужину назад в море.

— Молчи!– яростно крикнул он.– Я мужчина. Молчи.– И Хуана умолкла, потому что так велел ей его голос. Давай спать,– сказал он.– Завтра с первыми лучами — в Дорогу. Ты не побоишься уйти со мной?

— Нет, Кино.

Тогда взгляд Кино стал мягким, теплым, и его рука коснулась щеки Хуаны.

— Давай спать,– сказал он.

V

Поздняя луна поднялась в небе перед первыми петухами. Кино проснулся в темноте, уловив легкое движение рядом с собой, он сам не двинулся — только глаза его обшарили темноту. И в бледном свете луны, пробиравшемся сквозь щели тростниковой хижины, Кино почувствовал, как Хуана бесшумно встает с циновки. Он увидел, как она крадется к костру. Но руки ее сделали свое дело так бережно, что он услышал только легкий шорох, когда они двинули камень, лежащий у костра. А потом Хуана тенью скользнула к выходу. Она задержалась на секунду у ящика, где спал Койотито, загородила темным силуэтом квадрат двери и исчезла.

И злоба волной обдала Кино. Он вскочил с циновки, вышел из хижины так же тихо, как Хуана, и услышал ее быстрые шаги, удаляющиеся к берегу. Он ступал бесшумно, а в мозгу у него полыхала ярость. Заросли кустарника остались позади; спотыкаясь о камни, Хуана шла к воде, но, услышав, что он догоняет ее, побежала. Она занесла руку для броска, но Кино метнулся впе-

ред, схватил эту занесенную над головой руку и вырвал жемчужину из ее пальцев. Он кулаком ударил Хуану по лицу, и она упала на камни, и тогда он ударил ее ногой в бок. При бледном свете луны он увидел, как маленькие волны подбежали к Хуане и отхлынули назад, и юбка се всплыла на них и тут же облепила ей ноги.

Кино оскалил зубы и зашипел как змея, а Хуана смотрела на него, точно овца на мясника, неподвижными, широко открытыми глазами, в которых не было страха. Она знала, .что Кино готов убить ее и что Кино прав. Она покорно принимала смерть, не защищаясь, не моля о пощаде. Но ярость Кино утихла, и на место ярости пришло чувство омерзения. Он отвернулся от Хуаны и зашагал по берегу к зарослям кустарника. Вспышка гнева опустошила его.

Он услышал, как к нему метнулись из зарослей, выхватил из-за пазухи нож, всадил его о первую темную фигуру и почувствовал, что не промахнулся. И, сбитый с ног, туч же упал сам, сначала на колени, а с колен — ничком на землю. Жадные пальцы пробрались ему за рубашку, лихорадочные пальцы шарили, обыскивали его, и жемчужина, выпав из разжатой руки, откатилась за небольшой валун на тропинке. И легла там,

мерцая серебром в лунном свете.

Хуана с трудом приподнялась с камней у воды. Лицо у нее ныло, в боку была тупая боль. Она стала, пошатываясь на колени, и мокрая юбка облепила ее бедра. В сердце Хуаны не было злобы против мужа. Он сказал: «Я мужчина»,а эти слова много о чем говорили Хуане. Они говорили Хуане, что муж ее наполовину безумец, наполовину бог. Они говорили ей, что Кино может помериться силой с горой в ополчиться против моря. В глубине своей женской души Хуана знала, что гора устоит, а человек погибнет, что море вспенится, а человек утонет в нем. И все же это и делает его мужчиной — полубезумцем и полубогом, а Хуана не могла жить одна, она должна была чувствовать его рядом с собой. И хотя это различие между мужчиной и женщиной иной раз приводило ее в смятение, она считала, что так и должно быть, и покорялась и не могла жить одна. Она пойдет за Кино, как же иначе! Ведь бывало же раньше, что се женское благоразумие, женская осторожность и чувство самосохранения пробивались сквозь мужское упорство Кино и спасали их всех. Морщась от боли, Хуана встала, опустила сложенные чашечкой ладони в волны, умыла разбитое лицо обжигающей соленой водой и, крадучись, пошла

вверх по берегу следом за Кино.

Длинные перистые облака плыли по небу с юга. Бледная луна ныряла в них и снова выплывала, так что Хуана шла то в темноте, то на свету. Она горбилась от боли, голова у нее была низко опущена. Вот и заросли, и небо снова затянуло облаками, но лишь только луна выглянула изза них, огромная жемчужина, лежавшая на тропинке у валуна, сверкнула серебром в лунном свете. Хуана опустилась на колени и подняла ее, но тут луна снова спряталась. Хуана стояла на коленях, думая, что ей делать: может быть, вернуться к морю и докончить начатое? Но в эту минуту снова посветлело, и она увидела на тропинке два человеческих тела. Она кинулась туда и узнала Кино, а рядом с ним лежал неизвестный ей человек, и шея у этого человека была залита чем-то темным, глянцевито поблескивающим.

Кино медленно шевельнулся, руки и ноги у него дернулись, как у раздавленной букашки, из горла вырвалось хриплое бормотание. И Хуана сразу, в один миг поняла, что прежняя их жизнь ушла навсегда. Мертвые на тропинке, нож Кино с окровавленным лезвием убедили ее в этом. До сих пор Хуана еще пыталась спасти хоть крохи прежнего покоя, крохи той жизни, что была

до жемчужины. Но теперь былое ушло, его не вернешь. И, поняв это, она сразу, без раздумий, отрешилась от прошлого. Теперь надо было думать только о том, как им спастись.

Куда девалась ее боль, вялость ее движений? Она быстро оттащила убитого с тропинки в заросли кустарника. Потом подошла к Кино и утерла ему лицо мокрой юбкой. Он начинал приходить в себя и тихо стонал.

— Жемчужину отняли. Я потерял ее. Теперь все кончено,– сказал он. Жемчужины нет.

Хуана успокаивала его, как больного ребенка.

— Молчи, молчи,– говорила она.– Вот твоя жемчужина. Я нашла ее на тропинке. Ты слышишь меня? Вот твоя жемчужина. Ты понимаешь, что я говорю? Ты убил человека. Нам надо бежать. Понимаешь? Нас схватят. Надо бежать, пока еще темно.

— На меня напали,– неуверенно проговорил Кино. Я защищался, я спасал свою жизнь.

— А ты помнишь, что было вчера? -сказала Хуана. Думаешь, в городе посчитаются, напали на тебя или нет? Ты помнишь скупщиков? Неужели же тебе поверят?

Кино вздохнул всей грудью и стряхнул с себя слабость

— Да,– сказал он.– Ты права.– И воля его окрепла, и он снова стал мужчиной.

— Беги домой, возьми Койотито,– сказал он.– И захвати всю кукурузу, что у нас есть. Я спущу на воду лодку, и мы уедем.

Кино поднял нож, валявшийся на тропинке, и ушел в темноту. Спотыкаясь, он выбрался на берег и отыскал там свою лодку. И когда луна снова выглянула из-за облаков, он увидел, что в днище его лодки пробита большая брешь. И слепая ярость вспыхнула в нем и придала ему силы. Тьма смыкается вокруг его семьи; вражеская песнь будоражит ночь, парит над мангровой рощей, завывает в морском прибое. Лодка его деда, смоленная тысячи раз, и расщепленная пробоина в ее днище. Это зло, с которым не мирится сознание. Убийство человека — зло меньшее, чем убийство лодки. Ведь у лодки нет сыновей, лодка беззащитна, и рана, нанесенная ей, не заживет. К ярости, бушевавшей в сердце Кино, примешивалась боль, но эта последняя капля закалила его волю так, что теперь ее ничто не могло бы сломить. Он стал зверем, который будет прятаться и нападать из засады, и он будет жить теперь только для того, чтобы спасти себя и семью. Мучительная боль в голове прошла. Кино больше не

чувствовал ее. Он в несколько прыжков одолел отмель и побежал сквозь густой кустарник к своей хижине. И ни разу, ни на одну секунду не пришло ему в голову, что вместо своей можно воспользоваться чьей-нибудь чужой лодкой. Эта мысль была так же далека от него, как мысль о том, что в лодке, кому бы она ни принадлежала, можно сделать пробоину.

Петухи перекликались между собой — рассвет был близок. Дымок первых костров просачивался сквозь стены тростниковых хижин, и в воздухе стоял запах первых кукурузных лепешек. Ранние птицы уже суетились в кустах. Бледная луна побледнела еще больше, облака сгустились и плотным слоем затянули южную часть неба. Ветер повернул к речному устью — тревожный, порывистый вечер, несущий с собой запах бури, и в воздухе чувствовалось, что предрассветная тишина обманчива, что скоро ее не будет.

Подбегая к своей хижине. Кино весь дрожал какой-то странной ликующей дрожью. Теперь мысль его работала ясно, ибо выбора перед ним не осталось, и его пальцы сначала тронули жемчужину в нагрудном кармане, а потом нож, висевший на шнурке за пазухой.

Он увидел впереди слабое зарево, и тут же из

темноты с треском вымахнул вверх столб огня, и отсветы его упали на тропинку. Кино побежал, не чуя под собой ног. Он знал: это полыхает его хижина. И он знал, что тростниковые хижины сгорают дотла в несколько минут. Когда он был уже совсем близко, навстречу ему метнулась чья-то тень… Хуана с Койотито, и в руке у нее судорожно зажато одеяло Кино. Ребенок испуганно плакал, а в широко раскрытых глазах Хуаны стоял ужас. Кино знал, что ему не спасти своего жилья, и он ни о чем не стал расспрашивать Хуану. Он сам все понял, но Хуана все-таки сказала:

— Пол изрыт, все обшарили, даже колыбель. А подожгли снаружи, пока я была там.

Безжалостное пламя пожара озарило лицо Кино — каждую черточку его лица.

— Кто?– спросил он.

— Не знаю,– ответила она.– Какие-то темнокожие.

Соседи выбежали из своих хижин, и они следили за падающими искрами и затаптывали их, чтобы огонь не перемахнул дальше. И вдруг Кино стало страшно. Его испугал яркий свет. Он вспомнил про человека, который лежал, убитый, на тропинке, и схватил Хуану за руку и увлек ее со света в тень, падающую от соседской хижи-

ны, ибо теперь свет грозил им опасностью. На решение ему понадобилась всего лишь секунда, и, решившись, он пробрался задами поселка к хижине своего брата Хуана Томаса и переступил ее порог, ведя за собой Хуану. Снаружи раздавались крики взрослых и плач детей, так как друзья Кино думали, что он не успел выбежать из горящей хижины.

Жилье у Хуана Томаса было такое же, как и у его брата Кино; тростниковые хижины почти все строятся одинаково, все пропускают свет и воздух. И Кино с Хуаной, сидя в углу хижины Хуана Томаса, видели сквозь щели в ее стенах пляшущие языки огня. Они видели, как эти языки яростно взметнулись вверх, как завалилась крыша, и вслед за тем огонь мгновенно потух, точно костер, сложенный из мелких сухих веток. А потом они снова услышали крики друзей и пронзительный вопль Аполонии, жены Хуана Томаса, которая, будучи ближайшей их родственницей, затянула плач по ним — покойникам.

Вспомнив, что шаль на ней старая, Аполония бросилась домой за новой, праздничной. И когда она стала рыться в ящике у стены, до нее донесся негромкий голос Кино:

— Не причитай, Аполония. Мы живы.

— Как вы сюда попали? — спросила она.

— Не спрашивай,– сказал Кино.– Пойди приведи Хуана Томаса, но больше никому ничего не говори. Запомни, Аполония, это очень важно для нас.

Она постояла минуту, растерянно прижав руки к груди, а потом тихо ответила ему:

— Хорошо, брат мой.

Вскоре Хуан Томас вернулся домой. Он зажег свечу, подошел с ней в угол, куда они забились, и сказал:

.– Аполония, запри дверь и никого не пускай.– Хуан Томас, как старший, взял власть в свои руки.– Ну что, брат мой? — спросил он.

— На меня напали в темноте,– сказал Кино.– И в драке я убил человека.

— Кто он? — быстро спросил Хуан Томас.

— Не знаю. Темнота… и все темно, все непонятно,

— Это она, жемчужина,– сказал Хуан Томас.– В этой жемчужине сидит дьявол. Тебе следовало продать ее, и дьявол ушел бы вместе с ней. Может быть, еще не поздно? Продай и купи себе покой на эти деньги.

Но Кино сказал:

— Брат мой! Меня оскорбили, и целой жизни

не хватит, чтобы забыть это. Моя лодка лежит на берегу с пробитым днищем, мой дом сожгли, а в зарослях кустарника — убитый. Бежать мне некуда. Спрячь нас у себя, брат мой.

Кино в упор взглянул на Хуана Томаса, подметил глубокую тревогу у него в глазах и, предупреждая возможный отказ, быстро проговорил:

— Ненадолго. Пройдет день, наступит ночь, и ночью мы уйдем.

— Хорошо. Спрячу,– сказал Хуан Томас.

— Я не хочу навлекать на тебя беду,– продолжал Кино.– Ведь со мной — как с прокаженным. Мы уйдет сегодня в ночь. И ты будешь в безопасности.

— Я не оставлю тебя без помощи,– сказал Хуан Томас и добавил:– Аполония, запри дверь. И даже шепнуть никому не смей, где Кино.

Весь следующий день Кино и Хуан молча просидели в полутемной хижине Хуана Томаса и слушали, что говорят о них соседи. Сквозь щели им было видно, как соседи роются в золе, ищут там их обгоревшие кости. Затаившись в хижине Хуана Томаса, они слушали, с каким ужасом все обсуждают весть о пробоине в лодке. Хуан Томас уходил и разговаривал с людьми, чтобы усыпить возможные подозрения, и делился с ними своими

догадками и домыслами о том, что произошло с Кино, Хуаной и ребенком. Одному он говорил: «Наверно, они ушли вдоль побережья на юг, спасаясь от проклятия, которое тяготеет над ними».

А другому: «Кино никогда не расстанется с морем. Может быть, он раздобыл себе другую лодку!– И добавлял:– Аполония слегла от горя».

А днем поднялся ветер, и он хлестал воду в Заливе, ворошил водоросли на берегу, он завывал и в хижинах, и при таком ветре лодку, вышедшую в море, ждала бы верная гибель. И Хуан Томас стал говорить соседям: «Кино нигде нет. Наверно, он ушел в море и утонул». После каждого своего выхода он возвращался не с пустыми руками. Он принес плетеную соломенную сумку с фасолью и бутыль из тыквы, полную риса. Занял где-то чашку сушеного перца и пачку соли и еще раздобыл нож дюймов восемнадцати в длину, тяжелый, как маленький топор, и этот нож мог служить одновременно и инструментом и оружием. И когда Кино увидел его, взгляд у Кино просветлел, и он любовно провел по ножу ладонью и попробовал лезвие большим пальцем.

Ветер выл над Заливом, взбивал воду пеной, мангровые деревья метались под его порывами из стороны в сторону, как испуганное стадо, а тон-

чайшая песчаная пыль поднялась с побережья и плотным облаком повисла над морем. Ветер развеял тучи, очистил небо и гнал перед собой песок, точно снег в метель.

В вечерних сумерках Хуан Томас долго говорил с братом:

— Куда ты пойдешь?

— На север,– ответил Кино.– Я слышал, что на севере есть большие города.

— Держись подальше от побережья,– сказал Хуан Томас.– В городе собирают людей, пошлют обшаривать весь берег. За тобой будет погоня. Жемчужина все еще при тебе?

— При мне,– ответил Кино.– Я не расстанусь с ней. Я мог бы принести ее в дар, но теперь она моя беда и вся моя жизнь, и я не расстанусь с ней.– И когда он говорил это, в глазах у него были злоба, жестокость и горечь,

Койотито расплакался, и Хуана прошептала над ним заклинание, чтобы он замолчал.

— Ветер сильный,– сказал Хуан Томас.– Следов не останется.

Они собрались в путь затемно, до восхода луны. И перед выходом, по обычаю, молча постояли в хижине Хуана Томаса. Хуана держала Койотито за спиной, укрыв и подхватив его шалью, и он спал,

прижавшись щекой к ее плечу. Шаль укрывала ребенка, а один се конец Хуана держала у лица, защищая ноздри от ночной сырости. Хуан Томас дважды обнял брата и поцеловал его в обе щеки.

— Да хранит тебя господь,– сказал он, и это было как смерть.– Ты не расстанешься со своей жемчужиной?

— Эта жемчужина стала моей душой, — сказал Кино.– Расстаться с ней — все равно что потерять душу. Да хранит господь и тебя.

VI

Ветер дул сильно, свирепо, и он сразу забросал Хуану и Кино сухими ветками, песком и галькой. Они плотнее запахнули на себе одежду, прикрыли лицо, оставив одни глаза, и вышли в мир. Ветер разогнал облака, и звезды холодно поблескивали в черном небе. Хуана и Кино шли с опаской, держась подальше от центральных улиц, где их мог увидеть первый попавшийся сторож, ибо город замыкался на все замки, на все засовы, боясь ночи, и те. кто бродил в темноте, не могли остаться незамеченными. Кино окраинами пробирался на север — на север по звездам — и наконец вышел на изрезанную колеями песчаную дорогу, которая вела сквозь чащу кустарника к Лорето — обители чудотворной девы Марии.

Кино чувствовал, как ему бьет песком по ногам, и радовался, что ветер заметает следы. Тусклые звезды показывали дорогу, узенькой лентой убегавшую вперед сквозь заросли кустарника, а за спиной у себя Кино слышал легкую поступь Хуаны. Он шагал быстро и бесшумно, и Хуана рысцой поспевала за ним.

Что-то древнее шевельнулось в душе Кино. Пробиваясь сквозь страх, который всегда вселяли в него темнота и дьяволы, бродящие в ночи, к нему льнуло волной какое то странное ликующее чувство; что-то звериное зарождалось в нем — звериное чутье, звериная осторожность. ярость; что-то древнее овладевало им, надвигаясь из глубины веков, прожитых его народом. Ветер дул ему в спину, звезды указывали путь. Ветер плакал и шуршал в кустарнике, а они все шли и шли — час, другой, третий. Никто не попадался им навстречу, они никого не видели. И наконец справа от дороги в небе показалась ущербная луна, и, когда она поднялась выше, ветер утих и на земле тоже все примолкло.

Узкая, изрезанная колеями дорога была видна теперь ясно. При безветрии на ней останутся отпечатки ног, но они уже далеко отошли от города, и, быть может, следов никто не заметит. Кино шел по самой колее, и Хуана ступала за ним след в след. Если утром по дороге проедет в город тяжелая повозка, этого будет достаточно, и никто не догадается, что они проходили здесь.

Они шли всю ночь, не замедляя шага. Среди ночи Койотито проснулся, и Хуана переложила его к груди и убаюкала, и он снова заснул. Но то злое,

что таится в ночи, сопутствовало им все время. Над головой у них, зловеще ухая, с шелковым свистом крыльев проносились совы, в зарослях плакали и заливались хохотом койоты. А раз даже какой-то крупный зверь тяжелой поступью продрался сквозь кусты и тотчас кинулся прочь. И Кино стиснул рукоятку ножа и почувствовал в нем надежного защитника.

Мелодия жемчужины торжествующе звенела в ушах у Кино, а сквозь нее просачивалась тихая песенка семьи, и обе они вплетались в мягкий шорох сандалий по песку. Кино и Хуана шли всю ночь, и на рассвете Кино стал подыскивать, где бы им укрыться на день. И такое место нашлось недалеко от дороги. Маленькая прогалина среди кустов — может быть, недавняя лежка оленей — вся точно занавешенная ломким сухостоем. И когда Хуана села на землю и устроилась поудобнее, чтобы покормить Койотито грудью, Кино вернулся на дорогу. Он сломал ветку и тщательно разровнял следы там, где они сворачивали к зарослям. В рассветных сумерках до него донесся скрип колес, и он спрятался за кусты и пропустил мимо себя двухколесную повозку, запряженную тяжело налегавшим на оглобли волом. А когда повозка скрылась, он вышел из кустов, пригля-

делся к колеям и увидел, что отпечатки их ног исчезли. И он разровнял свои новые следы и вернулся к Хуане.

Хуана дала ему мягких кукурузных лепешек, которые сунула им на дорогу Аполония, и легла поспать. Но Кино не спал; он сидел рядом с ней, низко опустив голову. Он долго наблюдал за муравьями, вереницей тянувшимися по земле, и потом двинул ногу вперед. Муравьи одолели это препятствие и продолжали свой путь, а Кино так и остался сидеть, глядя, как они переползают через его ступню.

Солнце уже начинало припекать. Они далеко отошли от Залива, а здесь, в этих местах, воздух был такой сухой и горячий, что раскаленный зноем кустарник то и дело потрескивал, источая приятный смолистый запах. И когда Хуана проснулась, когда солнце высоко поднялось в небе, Кино заговорил с ней о том, что она давно знала сама,

— Вон от того дерева держись подальше,– сказал он, показывая на низкорослое деревце.– Не дотрагивайся до него. Если дотронуться, а потом потереть глаза — ослепнешь. И не подходи к тем деревьям, которые кровоточат. Видишь? — вон одно такое. Если надломить на нем ветку,

из места надлома потечет красная кровь, а это приносит несчастье.– И Хуана молча кивнула, выслушав его, и чуть заметно улыбнулась, потому что она сама все это знала.

— Как ты думаешь, пошлют за нами погоню?– спросила она.– Будут разыскивать?

— Будут,– ответил Кино.– Тот, кто найдет нас, завладеет жемчужиной. Разыскивать будут.

И Хуана сказала:

— Может быть, скупщики говорили правду и эта жемчужина ничего не стоит? Может быть, мы обманулись в ней?

Кино сунул руку за пазуху и вынул свою жемчужину. Солнце заиграло на ней так, что ее блеск ослепил его.

— Нет,– сказал он.– Разве стали бы охотиться за жемчужиной, которая ничего не стоит?

— А ты знаешь, кто напал на тебя? Это были скупщики?

— Нет, не знаю,– ответил он.– Я не рассмотрел их в темноте.

Он вгляделся в жемчужину, стараясь отыскать в ней свои прежние видения.

— Когда мы продадим ее, я куплю карабин,– сказал он и стал искать его на блестящей поверхности, но вместо карабина увидел только

скорчившееся на тропинке тело и кровь, блестящей струйкой текущую из перерезанного горла. И он быстро проговорил:– Мы обвенчаемся в большой церкви.– Но в жемчужине была только Хуана, с разбитым лицом пробиравшаяся ночью к их тростниковой хижине.– Наш сын научится читать,– отчаянно крикнул он. И лицо Койотито — опухшее, с лихорадочным блеском в глазах, как после того лекарства, которое ему дал доктор.

И Кино снова спрятал свою жемчужину за пазуху, и Песнь жемчужины зловеще зазвенела у него в ушах, переплетаясь с Песнью врага.

Солнце жгло с такой силой, что Кино и Хуана перебрались с прогалины в кружевную тень кустов, где по земле прыгали маленькие серые птички, которые тоже искали тени. Днем, в самый зной, Кино лег, надвинул шляпу на глаза, прикрыл лицо одеялом от мух и заснул.

Но Хуана не спала. Она сидела неподвижно, точно каменное изваяние с застывшей маской лица. Губы ее, разбитые кулаком Кино, были все еще вспухшие, а около рассеченного подбородка с жужжанием вились мухи. Но Хуана сидела неподвижно, как часовой, и когда Койотито проснулся, она положила его на землю, и он стал махать ручонками и дрыгать ножками,

заворковал, заулыбался, и наконец Хуана тоже улыбнулась ему. Она подняла с земли маленькую веточку и пощекотала Койотито пятки, а потом развязала узел и напоила сына водой из тыквенной бутылки.

Кино заворочался во сне и вскрикнул гортанным голосом, и рука его дернулась кверху, будто в драке. А потом он застонал и быстро сел, раздув ноздри, глядя прямо перед собой широко открытыми глазами. Он слушал, но до него доносился только сухой треск в кустарнике и ровный посвист пространства.

— Что ты? -спросила Хуана.

— Молчи,– сказал он.

— Тебе приснилось.

— Может быть.– Но Кино не успокоился, и когда Хуана дала ему кукурузную лепешку из своих припасов, он то и дело переставал жевать и все прислушивался к чему-то. Тревога не оставляла его; он оглянулся через плечо, поднял свой большой нож с земли, потрогал лезвие. И, когда Койотнто снова заворковал, Кино сказал Хуане:
— Уйми его.

— Что случилось? -спросила она.

— Не знаю.

Он снова прислушался, по-звериному сверкнув

глазами. Потом бесшумно встал и, низко пригнувшись, пробрался сквозь заросли к дороге. Но дальше он не пошел, а лег под колючим кустом и посмотрел в ту сторону, откуда они с Хуаной пришли.

И он увидел их. И, застыв всем телом, опустил голову под прикрытием низких ветвей. Вдали показались трое двое пеших, третий всадник. Кино знал, что это за люди, и весь похолодел от страха. Даже отсюда, издали, ему было видно, что двое пеших идут медленно, низко склоняясь к земле. Один остановится, приглядится к чему-то, другой подойдет к нему и тоже посмотрит. Это были следопыты, ищейки, те самые, что выслеживают даже горных баранов на каменистых склонах. Чутье у них — как у собак. Быть может, Хуана или он сам ступили где-нибудь в сторону от дорожной колеи, и эти люди, эти охотники найдут их по следам — по сломанной травинке, по еле заметной осыпи в песке. За ними верхом на лошади ехал какой-то темнокожий, ноздри у него были прикрыты краем одеяла, а поперек седла поблескивало на солнце дуло винтовки.

Кино лежал так тихо, что его нельзя было отличить от кустов. Затаив дыхание, он перевел глаза туда, где недавно разравнивал свои следы.

Даже гладкий, ровно раскиданный песок может много о чем сказать следопытам. Он знал этих горцев-охотников, этих ищеек. В местах, где дичи мало, им приходится применять свое умение по-другому, и вот теперь они охотятся за ним. Двое пеших рыскали по дороге, точно звери, и, находя какие-то приметы, склонялись к земле, и всадник тоже останавливался.

Охотники повизгивали, точно собаки, напавшие на горячий след. Кино медленно протянул руку к своему большому ножу и положил его рядом с собой. Он знал, что ему делать. Если эти ищейки задержат шаги около заметенных следов, он кинется на всадника, убьет его и завладеет винтовкой. Это единственный путь к спасению. И, подпустив всех троих поближе, он вырыл носками сандалий ямки в песке, так, чтобы вскочить сразу, так, чтобы у ног была опора для прыжка. Низко нависшая ветка мешала ему смотреть, загораживая дорогу.

Хуана, сидевшая в глубине зарослей, услышала мягкий стук подков, и в эту минуту Койотито снова заворковал. Она схватила его на руки, прикрыла с головой шалью, дала ему грудь, и он умолк.

Когда следопыты подошли еще ближе, Кино

увидел из-под нависшей ветки только их ноги и ноги лошади. Он увидел темные заскорузлые ступни, белые лохмотья брюк, услышал поскрипывание кожаного седла, позвякивание шпор. У заметенных следов пешие остановились и внимательно оглядели это место, и всадник тоже остановился. Лошадь мотнула головой, прося повода, и мундштук звякнул ей о зубы, и она захрапела. Тогда следопыты выпрямились, посмотрели на лошадь и особенно внимательно на ее уши.

Кино перестал дышать, но спина у него чуть выгнулась, мускулы на руках и ногах резко напружинились, и на верхней губе полоской проступил пот. Следопыты долго разглядывали дорогу, потом медленно пошли дальше, не сводя глаз с песка, а всадник двинулся следом за ними. Следопыты пошли быстрее — пройдут несколько шагов, остановятся, посмотрят — и снова чуть не бегом. Кино знал, что они вернутся. Они будут кружить около этого места, будут замедлять шаги, нагибаться над дорогой, разглядывать ее, они все обшарят и рано или поздно придут назад к заметенным следам.

Он скользнул в заросли, даже не потрудившись уничтожить отпечатки своих ног. К чему?

Слишком много оставлено примет, слишком много сломанных веток, и взрыхленного песка, и сдвинутых с места камешков. Теперь им владела только одна мысль — о бегстве, безоглядном бегстве. Он знал, что эти ищейки найдут его следы. Осталось одно бежать. Пробираясь сквозь кусты быстрыми, неслышными шагами, он вышел к тому месту, где сидела Хуана. Она вопрошающе подняла на него глаза.

— Ищейки,– сказал он.– Пойдем.

И внезапно его охватило чувство беспомощности, безнадежности, и он почернел лицом и печально посмотрел на Хуану.

— Может, мне лучше сдаться им?

Хуана вскочила, и ее рука легла на его руку.

— А жемчужина?– хрипло вскрикнула она.– Неужели же эти люди уведут тебя живым, чтобы ты уличил их в краже?

Его рука вяло потянулась за пазуху, где была спрятана жемчужина.

— Все равно отнимут,– чуть слышно проговорил он.

— Пойдем!– крикнула она.– Пойдем!– И не дождавшись ответа: — Неужели ты думаешь, что меня отпустят живой? Неужели ты думаешь, что отпустят живым ребенка?

И смысл этих слов дошел до сознания Кино, и он оскалил зубы, и глаза у него бешено вспыхнули.

— Пойдем,– сказал он.– Мы поднимемся в горы. Может быть, в горах они потеряют нас.

С лихорадочной быстротой собрал Кино лежащие на земле тыквенные бутыли и мешочек со всеми их припасами. Узел он взял в левую руку, а в правой у него был нож. Он развел кусты, пропуская Хуану вперед, и они свернули к западу туда, где поднимались высокие голые горы. Быстро, почти бегом, шли они сквозь заросли кустарника. Это было бегство — безоглядное бегство. Кино даже не пытался соблюдать осторожность. Он отшвыривал камни, попадавшиеся под ноги, продираясь сквозь чащу; сбивал листья с ветвей, и они предательски отмечали его путь. Полуденное солнце заливало потрескавшуюся землю таким зноем, что даже растительность не выдерживала этого и негодующе позванивала под палящими лучами. Но впереди были голые гранитные горы они поднимались над обломками скал, уходя вершинами прямо в небо. И Кино бежал к этим вершинам, как делают почти все звери, скрываясь от преследования.

Места эти были засушливые; здесь росли одни кактусы долго сохраняющие воду, да кустарник

с длинными корнями, которые глубоко проникают в почву за влагой и довольствуются малым. Земли в этой пустыне не было видно — один камень, и большие глыбы его, и осколки любой формы, не отшлифованные водой. Между камнями пробивалась унылая сухая трава — трава, которой достаточно одного дождя, чтобы пустить ростки, образовать семенную коробочку, уронить семена в почву и умереть. Рогатые лягушки провожали глазами семью Кино, поворачивая, как на стержне, свои маленькие драконьи головы. Время от времени крупные зайцы, прятавшиеся в тени, выскакивали на звук шагов и, отбежав немного в сторону, прятались за ближайшим же камнем. Звенящий зной дрожал над пустыней, и гранитные горы вдали казались такими прохладными и желанными.

Кино спасался бегством. Он знал, как все это будет. Ищейки пройдут по дороге еще немного и, убедившись, что след исчез, вернутся назад и снова начнут осматривать, обшаривать каждый куст и вскоре найдут то место, где он и Хуана остановились на отдых. А дальше дело пойдет совсем легко-мелкие камешки, сбитые листья, сломанные ветки, маленькие углубленьица в песке, там, где неверно ступила нога. Кино будто

видел их перед собой: торопятся по следу, чуть повизгивая от нетерпения, а позади них темнокожий всадник с винтовкой, как бы равнодушный ко всему происходящему. Напоследок и он сделает свое дело, потому что назад в город им никому не вернуться. О, как ясно звучала теперь Песнь зла в ушах у Кино, мешаясь со звоном зноя и сухим треском змеиных гремушек. Ширь и мощь мелодии исчезла, она стала вкрадчивой, гибельной, как отрава, и биение сердца Кино было ее призвуком, ее ритмом.

Путь становился все круче, камни — все крупнее и крупнее. Но теперь расстояние между следопытами и семьей Кино увеличилось. И посреди крутого подъема Кино остановился передохнуть. Он влез на большую каменную глыбу и посмотрел назад — туда, где над зарослями переливался дрожащий от зноя воздух. Но врагов своих — ни пеших, ни даже всадника — он не увидел. Хуана присела на корточки в тени, падающей от каменной глыбы. Она поднесла к губам Койотито бутыль с водой; его пересохший язычок жадно прильнул к горлышку. Когда Кино спрыгнул вниз, Хуана подняла на него глаза; она заметила, что он смотрит на ее ноги, исцарапанные, изрезанные о камни и кусты, и быстро

прикрыла их юбкой. Потом протянула ему бутыль, но он покачал головой. Глаза Хуаны ярко блестели на побледневшем от усталости лице. Кино провел языком по пересохшим губам.

— Хуана,– сказал он.– Я пойду дальше, а ты спрячься, пережди здесь. Я заведу их в горы, и когда они минуют тебя, ступай в Лорето или Санта-Росалию. А потом, если мне удастся уйти от них, я приду за тобой. Это наш единственный путь к спасению.

Хуана глубоко заглянула ему в глаза.

— Нет,– сказала она.– Мы будем вместе.

— Один я пойду быстрее,– резко проговорил Кино. Если идти вместе, для ребенка это будет еще опаснее.

— Нет,– сказала Хуана.

— Не спорь. Так надо, и такова моя воля.

— Нет,– сказала Хуана.

Он искал хоть намека на слабость в ее лице, намека на страх, колебания — и не нашел. Глаза Хуаны ярко блестели. Тогда он беспомощно пожал плечами, но ее сила передалась нему. Когда они пошли дальше, их бегство уже нельзя было назвать безоглядным.

Чем ближе к горам, тем больше менялось все вокруг. Каменная крошка уступала место длин-

ным пластам гранита с глубокими расселинами между ними, и Кино перепрыгивал с одного пласта на другой, стараясь ступать по их гладкой поверхности, на которой не остается никаких отпечатков. Он знал, что, потеряв след, ищейки будут кружить там, где он оборвался, пока снова не нападут на него, и это отнимет у них немало времени. И теперь он шел к горам не напрямик, а зигзагами и то и дело сворачивал на юг и оставлял за собой какую-нибудь отметку, а потом снова возвращался к голым гранитным пластам. Подъем становился все круче и круче, и у Кино появилась легкая одышка.

Солнце приближалось к голым зубцам гранитных гор, когда Кино, уже никуда больше не сворачивая, пошел прямо к черневшей впереди глубокой расселине в горной гряде. Если в этих местах есть вода. так ее надо искать только там, ибо там что-то растет — он видел зелень даже издали. И если в гладкой гранитной гряде есть проход, его тоже надо искать у глубокой расселины. Правда, это не безопасно, потому что такая мысль может прийти в голову и следопытам, но пустая бутыль не давала ему свободы выбора. И когда солнце спустилось к линии гор, Кино и Хуана, устало волоча ноги, начали трудный подъем

к видневшейся впереди расселине.

Высоко в горах, из узкой трещины под серым гранитным выступом, журча, бежал маленький ручеек. Его питал снег, сохраняющийся все лето в затененных уголках среди утесов. Ручеек этот временами пересыхал, обнажая свое каменистое, устланное водорослями ложе, но потом опять накапливал холодную, чистую, свежую водичку. В дни коротких ливней он даже превращался в поток и обрушивал вниз по расселине пенящуюся белую струю. Но сил ему хватало ненадолго, и большую часть года он бежал тонкой ниточкой. Местами вода собиралась в маленькие бочажки, а потом падала с высоты ста футов в другой такой же бочажок и, переполнив его, снова струилась вниз от бочажка к бочажку и наконец уходила в каменистую почву предгорья и исчезала там без следа. Собственно и исчезать-то было почти нечему, потому что, пока вода бежала по отвесным склонам, раскаленный воздух утолял ею свою жажду, а брызгами ее питалась истомившаяся без влаги растительность. Звери постоянно навещали эти маленькие бочажки. Горные бараны и олени, пумы, еноты и мыши издалека приходили сюда на водопой. Птицы, прятавшиеся днем в зарослях кустарника, слетались вечерами к этим

бочажкам, похожим на ступеньки, вырубленные в крутом горном склоне. Вдоль ложа ручейка местами собирались наносы песка и земли, и там, где только можно было запустить в них корни, сразу что-нибудь вырастало — дикий виноград и карликовые пальмы, папоротник, гибискус и трава с пушистыми метелками на длинных стеблях. А в бочажках жили лягушки и плавунцы, и по дну их ползали черви. Все, что любит воду, стремилось к этим мелким лужицам. Дикие кошки приходили сюда на охоту и лакали воду, омывая в ней окровавленные зубы, и после каждого их посещения все вокруг было усеяно перьями. Около маленьких бочажков не угасала жизнь, потому что здесь была вода, и по той же самой причине здесь изо. дня в день шло смертоубийство.

На самой нижней ступеньке, где ручеек разливался вширь, прежде чем ринуться вниз с высоты ста футов и бесследно пропасть в каменистой пустыне, была небольшая площадка — гранит и слой песка на нем. Вода струилась сюда тонкой ниточкой, но и этого было достаточно, чтобы бочажок не пересыхал, чтобы под навесом скалы находили приют и низкорослые травы, и папоротник, и дикий виноград, который полз вверх по склону, цепляясь своими усиками за гранит.

Весенние потоки образовали здесь нечто вроде песчаной отмели, и во влажном песке вокруг бочажка зеленел водяной кресс. Отмель была вся изрыта, истоптана, взрыхлена ногами животных, приходивших сюда на водопой и на охоту.

Солнце уже спустилось за гранитный кряж, когда Кино и Хуана одолели крутой, неровный подъем и наконец-то подошли к воде. С этой площадки была видна вся пустыня вплоть до Залива, голубеющего вдали. К бочажку они добрались из последних сил, и Хуана, рухнув на колени, прежде всего умыла Койотито, а потом наполнила бутыль водой и напоила его. Ребенок тоже был измучен и капризничал и все плакал, пока Хуана не дала ему грудь, и тогда он прильнул к ней и зачмокал, громко насасывая язычком. Кино долго и жадно пил прямо из бочажка. Потом он прилег, глядя, как Хуана кормит ребенка, и дал отдых мышцам, но через минуту встал, подошел к тому месту, где ручеек переливался через край гранитного выступа, и пристально оглядел расстилавшуюся внизу пустыню. Его взгляд остановился на чем-то, и он замер. Далеко внизу виднелись оба следопыта; они виднелись точечками, будто это ползли муравьи, а сзади них полз третий муравей — побольше.

Хуана повернула голову и увидела, как напряглись у него плечи.

— Далеко? — спокойно спросила Хуана.

— К ночи будут здесь,– ответил Кино. Он взглянул вверх, на длинную отвесную трещину в скалах, откуда текла вода.– Надо идти на запад, сказал он и внимательно пригляделся к серому гранитному уступу правее трещины. И на высоте тридцати футов он увидел на нем ряд небольших впадин, нечто вроде пещер. Он снял сандалии и, цепляясь пальцами ног за неровности гранитного уступа, поднялся к пещерам и заглянул в них. Это были небольшие эрозионные углубления с идущими под уклон сводами Кино влез в самую большую пещеру, лег там и, убедившись, что снаружи его не видно, быстро вернулся к Хуане.– Лезь туда. Может быть, там нас не найдут,– сказал он.

Не говоря ни слова, Хуана налила доверху тыквенную бутыль, и Кино помог ей подняться в пещеру, потом собрал все их съестные припасы и переправил туда же. Сидя у входа в пещеру, Хуана наблюдала за ним. Она заметила, что он не стал уничтожать их следы на песке, а полез вверх по утесу левее бочажка, ломая и обрывая виноградные лозы и папоротник. Поднявшись до следующего гранитного выступа, он таким

же путем спустился вниз, оглядел гладкий уступ со впадинами — не осталось ли там их следов, и наконец взобрался по нему и пролез мимо Хуаны в пещеру.

— Когда они придут,– сказал он,– мы незаметно выйдем отсюда и спустимся в предгорья. Как бы только ребенок не заплакал. Смотри, чтобы он у тебя молчал.

— Он не заплачет,– сказала она и, обеими руками приподняв головку Койотито, глубоко заглянула ему в глаза, и он ответил ей величавым взглядом.– Он знает. что нельзя,– сказала Хуана.

Кино лежал у входа в пещеру, уткнувшись подбородком в скрещенные руки, и смотрел, как синяя тень от горного кряжа двигалась по зарослям кустарника внизу, достигла Залива и длинным сумеречным пологом протянулась над землей.

Ищейки долго не появлялись — следы Кино, видимо, было не так-то легко отыскивать. Уже начинало темнеть, когда они добрались до маленького бочажка на гранитном выступе. И теперь все трое следопытов шли пешком, потому что лошадь не смогла бы одолеть последний крутой склон. Сверху они казались маленькими, щуплыми. Двое, не успев напиться, стали обсле-

довать небольшую песчаную отмель и увидели следы, оставленные Кино на утесе левее бочажка. Третий, с винтовкой, отдыхал, и, напившись, те двое присели рядом с ним на корточки, и огоньки трех сигарет то разгорались, то затухали в сумерках. А потом Кино увидел, что они принялись за еду, и до него долетели их смягченные расстоянием голоса.

Вскоре на горный кряж надвинулась тьма — густая, черная. Звери, навещавшие бочажок, пришли и в этот вечер, но учуяв людей, скрылись во тьме.

Кино услышал шепот у себя за спиной.

— Койотито!– прошептала Хуана. Она успокаивала его. Кино услышал хныканье и по звуку понял, что Хуана прикрыла ребенка шалью.

Внизу на отмели вспыхнула спичка, и в ее мгновенном свете Кино увидел, что двое следопытов уже спят, свернувшись клубком, по-собачьи, а третий караулит, и огонек спички отблеском скользнул по его винтовке. Спичка погасла, но глаза Кино все запомнили. Он еще видел этих людей, каждого в отдельности: двое спят, свернувшись клубком, а третий сидит на корточках, поставив винтовку между колен.

Кино бесшумно подался в глубь пещеры. В

глазах Хуаны отражалась низко стоявшая в небе звезда, и они светились, как две искры. Кино тихо подполз к ней и почти коснулся губами ее щеки.

— Я знаю, что делать.

— Тебя убьют.

— Если подкрасться к тому, что с винтовкой…– шептал Кино.– Надо покончить с ним первым… тогда не убьют. Те двое спят.

Пальцы Хуаны выбрались из-под шали и схватили его за руку.

— Ты в белом… они увидят тебя при звездах.

— Нет,– сказал он.-Но надо сделать это до того, как выйдет луна.

Он поискал ласкового слова и не нашел его.

— Если меня убьют,– сказал он,– ты так и сиди здесь. А потом, когда их не будет, ступай в Лорето.

Пальцы, сжимавшие ему кисть, чуть дрогнули.

— Что же делать?– сказал он.– Выбора нет. Все равно утром они нас разыщут.

И голос у нее тоже чуть дрогнул.

— Да хранит тебя господь,– сказала она.

Он пригляделся к ней в темноте и увидел ее большие глаза. Его рука протянулась и ощупью нашла ребенка и секунду задержалась ладонью на головке Койотито. А потом Кино поднял руку

и коснулся щеки Хуаны, и дыхание занялось у нее в груди.

В полукруге свода, на фоне звездного неба, Хуана увидела, что Кино снимает с себя свою белую одежду. Грязная, рваная, она все же могла выдать его в ночной темноте. Бронзовая кожа будет ему лучшей защитой. А потом она увидела, как он обмотал шнурок амулета вокруг роговой рукоятки ножа, так что нож повис у него на груди, оставляя обе руки свободными. Он не вернулся к ней. Его темная пригнувшаяся фигура секунду задержалась в полукруге свода, и вот ее уже нет.

Хуана подползла к выходу из пещеры и посмотрела вниз. Она, как сова, выглядывала из своего гнезда в гранитном уступе, а ребенок спал у нее за спиной, положив головку набок и прижавшись к ее плечу. Она чувствовала его теплое дыхание у себя на шее и шептала то молитву, то ворожбу — то «Богородицу», то древнее заклинаний против темных сил зла.

Когда Хуана выглянула из пещеры, ночь как будто посветлела, и на востоке, там, где должна была появиться луна, в небе проступило сияние. И, глядя вниз, Хуана увидела огонек сигареты во рту у дозорного.

Кино ящерицей медленно полз по гладкому

уступу. Он Дернул шнурок на шее и передвинул нож за спину, чтобы лезвие не звякнуло о гранит. Его растопыренные пальцы впивались в неровности горного склона, он льнул к нему ГРУДЬЮ, нащупывал босыми ступнями опору, боясь поскользнуться, ибо малейший звук — шорох камешка, невольный вздох, неосторожное прикосновение тела к граниту — мог поднять на ноги тех, что были внизу. Любой звук, несродный ночи, мог насторожить их. Но темная ночь не хотела молчать: маленькие квакши, жившие возле воды, чирикали как птицы, в расселине громко отдавался металлический стрекот цикад. А в голове у Кино по прежнему звучал напев врага, пульсирующий глухо, будто сквозь сон. Но Песнь семьи стала теперь пронзительной, свирепой и дикой, точно шипение разъяренной пумы. Она набирала силу и гнала его на встречу с врагом. Ее мелодию подхватили цикады, и чирикающие квакши вторили ей, расчленяя ее на маленькие фразы.

Неслышно, как тень. Кино спускался по утесу. Босая нога скользнет на несколько дюймов вниз, пальцы нащупают опору, вцепятся в нее, то же движение другой ногой, потом чуть передвинется ладонь правой руки, следом за ней — левая, и вот

уже все тело бесшумно опустилось вниз. Кино открыл рот, чтобы и дышать беззвучно, ибо он знал, что невидимкой нельзя стать даже в темноте. Если дозорный, услышав какой-то шорох, взглянет на это темное пятно, прильнувшее к уступу,– на его тело,– он все поймет. Ползти надо было так медленно, чтобы дозорный даже не повел глазами в эту сторону. И прошло много времени, прежде чем Кино одолел спуск и скользнул за карликовую пальму у края гранитной площадки. Сердце грохотало у него в груди, ладони и лицо были мокрые от пота. Он скорчился за пальмой и, чтобы успокоиться, долго переводил дыхание, набирая полные легкие воздуха.

Каких-нибудь двадцать футов отделяли его теперь от врага, и он старался до мельчайших подробностей припомнить всю эту гранитную площадку. Нет ли на ней камня, о который можно споткнуться во время стремительного броска? Он стал растирать себе икры, чтобы их не свело судорогой, и почувствовал, как дергаются у него мышцы после такого долгого напряжения. А потом он с опаской посмотрел на восток. До восхода луны оставались считанные минуты, надо торопиться. Силуэт дозорного темнел перед ним, но двоих спящих из-за пальмы не было видно. До-

зорный ему и нужен — с ним и надо разделаться быстро и без всяких колебаний. Он осторожно потянул через плечо шнурок амулета и высвободил роговую рукоятку своего большого ножа.

Поздно! Едва он успел выпрямиться, как из-за линии горизонта в восточной части неба вынырнула серебряная кромка луны. Он снова спрятался за пальму.

Луна была старая, ущербная, но она бросила резкий свет и резкую тень в расселину, и теперь Кино ясно увидел человека с винтовкой на маленькой отмели у бочажка. Дозорный посмотрел на луну, снова закурил, и огонек спички осветил на миг его смуглое лицо. Ждать больше нельзя; как только дозорный отведет взгляд от луны, Кино бросится. Мускулы у него на ногах напряглись, точно пружина, заведенная до отказа.

И тут откуда-то сверху донесся тоненький приглушенный плач. Дозорный поднял голову, прислушиваясь, и встал, и один из спящих завозился на песке и спросил сонным голосом:

— Что это?

— Не знаю,– ответил дозорный.– Похоже на плач. Голос будто человеческий… будто ребенок плачет.

Проснувшийся сказал:

— Кто его знает? Может, койот с выводком? Мне приходилось слышать, как скулят их детеныши — совсем по-человечьи.

Пот крупными каплями катился по лбу Кино, попадал в глаза и обжигал их. Тоненький плач зазвенел снова, и дозорный взглянул на гранитный уступ — туда, где была пещера.

— Наверно, койот,– сказал он, и Кино услышал, как его винтовка сухо щелкнула затвором.

— Если это койот, он у меня сейчас замолчит,– сказал дозорный, поднимая винтовку к плечу.

Выстрел грянул, застигнув Кино посредине броска, и вспышка ослепила его. Большой нож взлетел вверх и ударил с надсадным хрустом. Лезвие прошло сквозь шею глубоко в грудь. Кино действовал, как страшный своей мощью механизм. Он схватил винтовку и одновременно рванул нож из раны. Его сила, стремительность и точность его движений — все было как у безотказно действующего механизма. Он круто повернулся всем телом и размозжил голову сидевшему на песке, будто это была дыня. Третий кинулся наутек ползком, точно краб, попал в бочажок, вскочил и, как одержимый, полез вверх по утесу, откуда тонкой ниточкой струилась вода. Он скулил и лепетал что-то, цепляясь руками

и ногами за плети дикого винограда. Но Кино был беспощаден и холоден, как сталь. Не спеша поднял он спусковой рычаг, приложил винтовку к плечу, не спеша прицелился и выстрелил. Его враг рухнул со скалы прямо в воду, и Кино медленно подошел к бочажку. В лунном свете перед ним блеснули полные ужаса, безумные глаза, и Кино прицелился и выстрелил между глаз.

А потом Кино неуверенно повел головой по сторонам. Что случилось? Какой звук пытается проникнуть в его мозг. Квакши и цикады молчали. Но лишь только кровавая волна отхлынула от мозга Кино, он осознал этот звук. Этот протяжный, надрывный, забирающий все выше и выше истерический вопль несся из маленькой пещеры в гранитном уступе. Вопль-вестник смерти.

Все в Ла-Пасе помнят возвращение семьи Кино; быть может, там еще есть старики, которые сами присутствовали при возвращении Кино и Хуаны, но те, кто знает об этом только понаслышке от своих отцов и дедов, тоже представляют, как все было. Это возвращение никого не оставило безучастным.

Золотой солнечный день близился к вечеру, когда первые мальчишки, как сумасшедшие, ворвались в город и разнесли по всем улицам

весть, что Кино и Хуана вернулись. Все высыпали им навстречу. Солнце спускалось к линии гор на западе, и тени длинными полосами тянулись по земле. И быть может, именно из-за них, из-за этих теней, возвращение Кино и Хуаны оставило такой глубокий след в людской памяти.

Они возвращались в город по изрезанной колеями песчаной дороге, и они шли не гуськом, как всегда,– Кино первый, Хуана за ним,– а рядом, бок о бок. Солнце светило им в спину, и длинные тени их шествовали впереди, так что казалось, будто они несут каждый по темной башне. Кино держал винтовку на согнутой руке, а Хуана шла, перебросив свою шаль через плечо, как узел. И узелок этот был маленький, но в нем лежало что-то тяжелое, оттягивающее ткань. Шаль Хуаны коробилась от запекшейся крови, и узелок чуть покачивался в такт ее шагам. Лицо у Хуаны было застывшее, скованное морщинками усталости, скованное борьбой с усталостью. А взгляд ее уходил куда-то внутрь. Она шла далекая и чуждая всему, как небо. Губы у Кино были плотно сжаты, скулы обрисовывались четко, и люди рассказывают, что он нес в себе что-то страшное, грозное, как надвигающаяся буря. Люди рассказывают, что и Хуана, и Кино казались такими далекими

от человеческих забот, человеческого горя; что, пройдя сквозь муку, они будто вышли по другую ее сторону; что их обоих будто ограждала стена, воздвигнутая колдовской силой. И те, кто прибежал посмотреть на них, подались назад, уступая им дорогу, и не обмолвились с ними ни словом.

Кино и Хуана шли по городу так, будто города не было. Они не смотрели ни направо, ни налево, ни вверх, ни вниз, а только прямо перед собой. Шаг у них был чуть судорожный, как у искусно сделанных деревянных кукол, и грозные черные башни тянулись перед ними далеко вперед. И когда они проходили по городу с его кирпичными и каменными домами, скупщики жемчуга смотрели им вслед сквозь зарешеченные окна, слуги припадали одним глазом к прорезям в калитках, а матери поворачивали своих младших за плечи и прижимали их к себе — лицом в юбку. Кино и Хуана прошли бок о бок через весь город с кирпичными и каменными домами, миновали тростниковые хижины, и соседи подавались назад, уступая им дорогу. Хуан Томас поднял руку, приветствуя их, но слов приветствия не нашел, и рука его на минуту нерешительно повисла в воздухе.

Песнь семьи пронзительно звенела в ушах у

Кино. Теперь он был свободен от всего и страшен в своей свободе, и Песнь эта стала его боевым кличем. Они прошли мимо черного квадрата-всего, что осталось от их хижины,– и даже не посмотрели в ту сторону. Они прошли сквозь заросли, окаймлявшие береговую отмель, и спустились к воде. И ни он, ни она даже не взглянули на свою пробитую лодку.

И, подойдя к самой воде, они остановились и устремили взгляд на Залив. А потом Кино положил винтовку на песок, сунул руку за пазуху и вынул оттуда свою огромную жемчужину. Она лежала у него на ладони. Он вгляделся в ее поверхность — серую, бугристую теперь. Искаженные злобой лица смотрели на него оттуда, и он увидел зарево пожара. И на поверхности жемчужины он увидел обезумевшие глаза человека, упавшего в бочажок. И на поверхности жемчужины он увидел Койотито, который лежал в маленькой пещере, и головка у Койотито была размозжена пулей. Жемчужина была страшная; она была серая, как злокачественная опухоль. И Кино услышал Песнь жемчужины, нестройную, дикую. Пальцы Кино чуть дрогнули, и он медленно повернулся к Хуане и протянул жемчужину ей. Она стояла рядом с ним, все еще держа за спиной

свой недвижный узелок. Секунду она смотрела на жемчужину, потом взглянула Кино в глаза и тихо проговорила:

— Нет… ты.

И Кино отвел руку назад и что было сил швырнул жемчужину далеко в море. Кино и Хуана следили, как она летит, мерцая и подмигивая им в лучах заходящего солнца. Они увидели легкий всплеск вдали и, стоя рядом, бок о бок, долго не сводили глаз с этого места.

А жемчужина коснулась прекрасной зеленой воды и пошла ко дну. Покачивающиеся водоросли звали, манили ее к себе. На ней играли прекрасные зеленые блики. Она коснулась песчаного дна. Вода на поверхности моря была как зеленое зеркало. А жемчужина лежала на дне, среди перистых, похожих на папоротник растений. Краб, скользнувший мимо нее, поднял за собой легкое облачко песка, и когда оно рассеялось, жемчужина исчезла.

И Песнь жемчужины сначала перешла в невнятный шепот, а потом умолкла совсем.